

Нурлан КАМИ ХАН МОДЭ

Окончание.

Начало в № 12, 2024, № 1, 2025.

* * *

Зимней ночью в шатре, разбитом на вершине сторожевого холма, трое дозорных ели мясо, зажаренное на вертеле. Между делом начальник дозора отдавал распоряжения.

– Сегодня ночью твой черёд стоять на посту, смотри не усни, как в прошлый раз.

– Я чуток даже во сне.

– Не ёрничай! Нам сейчас не до шуток! Наш хан снова отправил послов к гуннам, не знаю, с какой просьбой он обратился к ним на этот раз, но возможно, это может вывести их из себя, и они могут объявить нам войну.

Подчинённые восприняли слова старшего как шутку и громко расхохотались.

– Ну и скажешь же ты всякую чепуху!

– На этот раз они, похоже, приволокут самого гуннского хана!

– Да, их хан годится только на то, чтобы сторожить покои нашего хана.

– Нет, это не так, лучше скажи, что он станет конюшим при нашем хане.

– Верно говоришь, его назначат атбеги¹, чтобы обучал выездке Цяньлиму.

– Ха-ха-ха-ха!..

Начальник дозора, хотя и смеялся вместе с подчинёнными, но о своих обязанностях не забывал. Ещё раз предупредил того, кому выходить в ночной дозор:

– И всё же не дрыхни без задних ног. Хотя бы время от времени выходи на дозор.

– Да не бойся ты, если ветер подует от нас в сторону гуннов, то стоит мне чихнуть, как они с перепугу со всем своим окажутся у китайской стены.

– Ха-ха-ха-ха!..

– Как бы по ту сторону стены не очутились!

– А если с той стороны чихнут китайцы?

– Тогда они все умрут от разрыва сердца.

– Ха-ха-ха-ха!..

Часовой, чей черёд был выходить в ночной дозор, вытер руки полотенцем, посидел некоторое время, явно разморённый перевариванием еды и охваченный ленью, всё же встал с места.

– Хорошо, вы ложитесь спать, а я выйду, посмотрю, с какой стороны ветер дует.

– Ха-ха-ха-ха!..

– Эй, ты там чихай не слишком сильно, а то несчастные гунны в одну ночь откочуют из этих мест.

Дозорный вышел из шатра, отошёл к кустам, чтобы помочиться, а затем, походив взад-вперёд по вершине холма, вновь вошёл в шатёр. Его товарищи уже храпели вовсю. Он тоже прилёг рядом с ними...

Проснулся он, напуганный каким-то ужасно завывающим с присвистом звуком. Не понимая, что происходит, спросонья протёр свои тяжёлые веки, за-

¹ Знаток по тренировке и дрессировке лошадей.

тем перевернулся на бок и приник головой к земле. Похоже, слышался отдалённый топот скачущих коней. Тотчас он принялся тормошить, будить своих товарищей.

– Эй, вставайте! Враг уже поблизости!

– Что?! Какой враг?!

– Где?

Они второпях выскочили из шатра и побежали к своим коням, стоявшим недалеке от них и привязанным чембурами к кустам. Однако добежать не успели; воюющие стрелы с хрустом стали впиваться в них сзади, пока не изрешетили их спины. Так и не поняв, что произошло, все трое отправились на тот свет к праотцам. А многотысячное войско гуннов чёрной тучей нависло в предрассветных сумерках над степью, растекаясь двумя потоками по обе стороны холма. Во главе войска скакал Модэ, за ним Шанрык-батыр и другие военачальники. Тяжёлый топот бесчисленного множества коней гулко сотрясал степной простор...

Не ожидавший внезапного нападения гуннов татарский хан был застигнут врасплох. Когда из-за горизонта только-только показался краешек солнечного диска, тотчас зимнюю степь огласили, словно слившиеся в мощном хоре, заунывные и устрашающие звуки тайного оружия войск Модэ – тысячи воющих стрел. Они-то и разбудили хана Кужулука, но одеться он не успел – в покои ворвались вражеские сарбазы, которые в считанные мгновения легко уложили небольшой отряд его личной охраны, расположенный на краю ставки, и в одном исподнем выволокли его во двор. Аул, раскинувшийся вокруг ставки татарского хана, охватила суматоха, в панике растерянно метались среди юрт мирные жители, ревели дети, рыдали и причитали женщины. Двое сарбазов потащили Кужулука, напрасно пытавшегося вырваться из их рук, к стоявшему на окраине ставки коновязному столбу и живо привязали его к нему. Хан Модэ шагом подъехал на своём коне к коновязи. К этому же месту сарбазы согнали и всех жителей. И когда, похоже, собралось всё население и воины, Модэ поднял руку и громким чётким голосом обратился к ним:

– Халайык²! Я – хан Модэ! Мы пришли не завоёвывать вас, а наказать вашего глупого хана. Ни один невинный мирный житель не пострадает от рук гуннских воинов. Смерть встретят ваш хан и его подстрекатели-советники, не дававшие покоя нашему мирному народу своими наглыми притязаниями. Никто не тронет ни ваших воинов, ни простой народ. Мы – один народ, единая страна, которая была раздроблена на мелкие части такими чванливыми и кичливыми ханами, как ваш, теперь уже бывший правитель. Владыка небес Тенгри создал нас всех, так не будем же жить порознь, расселившись по удельным ханствам, объединимся в единый народ и сплотимся в единое ханство! Только тогда мы станем сильной страной, объединённой под началом одного хана, уважаемой добрыми соседями и грозной для своих врагов, а не разобщённым сбродом, раздробленным бесконечной враждой, вызванной междоусобицей сорока ханов, каждый из которых считает себя единственным избранным из всех. Из-за этих раздоров и распрей мы были разгромлены покойным Мын Тъхянем и вынуждены были откочевать из земли наших дедов и рассеяться по всей бескрайней степи! А если мы все, кочевые народы, потомки нашего общего предка, ведущие свою родословную из единого корня, расселившиеся на обширных землях, объединимся под одним знаменем, то ни Китай, ни прочие страны никогда не смогут взять нас силой и поставить на колени! Начиная с сегодняшнего дня, переходите под моё начало в одно ханство! Если нас поддержит Владыка небес Тенгри, то уже завтра к нам присоединится Кушанское ханство, послезавтра – Тохарское, а затем и другие войдут в наш

² Народ (употребляется при обращении к народу).

союз. И после того, как соберёмся в единый крепкий кулак, мы вернём землю своих отцов! Вот моё слово!

– Застали-таки меня врасплох! Кто мог знать, что ты, щенок, сможешь так коварно и вероломно ударить по нам! Так, значит, ты хочешь, чтобы вся власть принадлежала тебе! – тихо, в бессильной злобе простонал привязанный к столбу хан Кужулук. – Напал внезапно и хитростью взял меня в плен, а теперь, видимо, целый месяц будешь праздновать свою победу?!

– Нет, не один месяц, а всего лишь день, – степенно и с достоинством ответил ему хан Модэ. – Да и то пировать не буду, а буду готовить войско к новому походу. Завтра мы уже выступаем. Потому что это – не победа, а единение братских народов, первый шаг на пути к равенству. При поддержке Владыки небес Тенгри мы ещё отпразднуем праздник победы на вершине Ордоса!

– Тенгри кут! – закричал народ.

– Пусть Создатель даст нам увидеть этот день!

– Мы все желаем этого!

– Веди нас, хан Модэ!..

* * *

Хану Модэ не составило особого труда сплотить под своим началом народ, находившийся под гнётом ограниченных в своих устремлениях недалёких ханов, мечтавших лишь о неограниченной власти в своих удельных и разрозненных ханствах. Потому что он являлся к соседям не с враждебными помыслами, а с благородной целью объединить их всех в единое государство. На какое бы ханство он ни собирался пойти войной, он всегда заранее извещал об этом каждого правителя, выдвигая требование добровольного присоединения к нему и с предупреждением о том, что в противном случае вынужден будет применить силу. Если некоторые ханы были против мирного объединения всего народа в единый мощный и сплочённый кулак, то другие заявляли о своей солидарности. Что касается простых людей, то их чаяния с незапамятных времён были одни – жить в мире без войн. К тому же сила царя гуннов возрастала с каждым днём и с каждым часом. Итак, пламя борьбы за единство, зажжённое ханом Модэ у стен Длинной крепости при благословении Владыки небес Тенгри, запылав в течение нескольких лет необъятным, грандиозным по своему масштабу пожаром, завершилось созданием огромной империи кочевников, обживших более половины всей территории азиатского континента. Создав государство, граничившее на востоке с Китаем, на юге – с Персией и Афганистаном, на западе – с Уральскими горами, а на севере – с Ледовитым океаном, он ввёл в нём систему централизованного управления и административно разделил его на три улуса и двадцать четыре аймака. И лишь после этого устремил все свои помыслы на возврат земли отцов – Ордоса.

* * *

Бабье лето. В ханской ставке начальник стражи вошёл в тронный зал и, прижав обе руки к груди, склонил в поклоне голову:

– Ханием! Прибыл гонец.

– Впусти!

Вошёл тот самый казахский джигит, склонил голову в поклоне и прижал правую руку к сердцу:

– Приветствую тебя, хан Модэ.

– Тенгри кут!

– Узнаёшь меня?

Шанрык подался чуть-чуть вперёд, и, словно говоря, вот только сейчас признал, кто это, посмотрел на Модэ. Тот даже глазом не моргнул и вперил взгляд на гостя:

– Да, ты тот самый казах, который смог бы противостоять двум туменам воинов!

– Не забыл, оказывается. – Радость озарила лицо казахского джигита. – Десять лет назад, когда мы встретились с тобой, помнится, я поклялся тебе, что если пойдёшь с походом на Китай, то примкну к тебе. Вот я и явился, чтобы сдержать своё обещание.

– А сколько врагам ты можешь противостоять сейчас?

Придворные удивлённо переглянулись, впервые услышав, как шутит Модэ. Но это нимало не смутило предводителя казахов.

– Казахи никогда не считают врагов, хан Модэ. Если возьмёшь нас под своё начало, то во время кровавой битвы сможешь испытать, на что мы способны.

– Сколько у тебя салтат?

– Когда мы встретились с тобой, была половина тумена, сейчас около двух туменов.

– В таком случае, можешь считать, что отныне ты составляешь правое крыло гуннского войска.

Военачальник казахов скрестил обе руки на груди и преклонил колени перед ханом:

– Покорно повинуюсь, ханием!

Модэ указал ему место среди придворных:

– Садись между туменбасы!

Военачальники подвинулись и освободили ему место. Предводитель казахов снова прижал правую руку к груди и склонил голову:

– Хочу сообщить тебе одну новость, таксыр.

– Говори.

– По пути сюда мы поймали трёх китайцев. По их словам, они ищут тебя.

Модэ обратился к начальнику стражи:

– Введи.

Начальник стражи вышел и спустя немного времени привёл трёх человек. Модэ, всё время неподвижно сидевший на троне, словно каменное изваяние, чуть было не вскочил с места, но всё же нашёл в себе силы сдержаться от волнения. Это оказались те самые китайские лазутчики и дочь Длинного Хяня. Они прижали свои руки к груди и склонились перед ним в три погибели.

– Полководец Хянь Юй лехоу поздравляет тебя с созданием великого ханства при поддержке Тенгри, хан Модэ, – обратился к нему один из китайцев. – Он шлёт тебе большой привет и низко кланяется перед тобой.

– Тенгри кут! – сказал ему в ответ хан Модэ.

– Полководец Хянь сдержал обещание, данное тебе. Как он боролся против прежней династии Цинь, так он борется сейчас с узурпатором Лю Банем, который отобрал у них трон и объявил себя правителем Поднебесной. Он хорошо знает, что прежде у тебя руки не доходили, чтобы прийти к нему на помощь, и не держит на тебя никакой обиды, однако сейчас ему приходится весьма нелегко – силы на исходе, поэтому поручил нам передать тебе такие слова: «Если подует свежий ветер с гуннских степей, то дышать мне станет намного легче».

Модэ ответил, не раздумывая:

– Гунны никогда не нарушали своих обещаний. В полнолуние мы выступаем в поход, чтобы перейти через Длинную Крепость³.

– На подступах к стене стоит трёхсоттысячное войско Фан Кхуая, – сообщил ему китайский лазутчик. – Они тоже знают о твоём усилении и держатся начеку, в любой момент ожидая возможного с твоей стороны нападения.

³ Так именовали ещё Великую Китайскую стену.

– Если нас поддержит Владыка небес Тенгри, то никто не сможет одолеть гуннское войско. Фан Кхуай не сможет преградить нам путь. Вот только одного понять не могу. Длинный Хянь и дочь свою направил сюда в качестве посла?

– На этот счёт Юй лехоу нам ничего не сказал, хан Модэ, может быть, сами спросите у неё?

Девушка изящно поклонилась хану ещё раз. Модэ смотрел на неё неотрывным взглядом. С момента их первой встречи прошло уже десять лет, но девушка была так же стройна и изящна. Даже как будто похорошела ещё сильнее. А как сладостно приятен её звенящий серебристый голосок!

– Хан Модэ, не посчитайте мои слова за дерзость, но о причине своего приезда я расскажу вам наедине.

Модэ обратился к начальнику стражи:

– Пусть гости пообедают и отдохнут.

Тот поклонился с почтением:

– Ляшай, таксыр.

* * *

В уединённом шатре обедали Модэ и дочь Длинного Хяня. На скатерти, накрытой на круглый низенький столик, стояло множество разных яств. Обслуживали их, молча и бесшумно двигаясь, две рабыни. Девушка рассказала обо всём, что произошло за время их долгой разлуки:

– Итак, Лю Бань воплотил свой хитрый замысел, хан Модэ. Сейчас мой отец днём и ночью не слезает с коня, опасаясь брать с собой в походы, поэтому и прислал меня сюда.

Хотя Модэ старался вести себя сдержанно, но изредка в его глазах загорались искорки страсти, ведь перед истинной красотой порой трепещут и владыки, покорившие полмира.

– Мы не оставим полководца Хяня одного среди вражеского окружения, в скором времени и мы выступим в поход. Если нас поддержит Владыка небес Тенгри, то он воссядет на императорский трон.

Девушка грустно улыбнулась:

– Отец воюет не для того, чтобы захватить трон, а чтобы пресечь те насилия, которые совершали правители династии Цинь, и тем самым хоть чуточку облегчить тяжёлую участь простого народа, но этого никто так и не понял. Враги, пользуясь этим, хотят выставить его честолюбивым карьеристом, властолюбцем. Он тоже прекрасно понимает, что добиться высшей цели нелегко, однако предательство и вероломство не знает границ, и в полной мере убедившись в этом, он разочаровался в людях и доведён до отчаяния... Я боюсь, ему грозит большая опасность, поэтому не хотела оставлять его одного, но кто станет слушать женщину! Ничего не поделаешь, пришлось мне смириться с его волей.

– В моей ставке тебе не грозит никакая опасность. Если хочешь, прямо сегодня сыграем свадьбу.

Девушка снова грустно улыбнулась:

– Как мы можем устроить праздник, когда жизнь и судьба моего отца висит на волоске, хан Модэ? Если бы ты послал ему на помощь своё войско, то положение его значительно бы улучшилось.

Но даже самое могучее чувство на земле – любовь не смогло бы изменить принятого Модэ решения. Молчаливым жестом приказав убрать со столика дастархан, он обернулся к девушке и покачал головой. Две служанки быстро убрали со столика яства, а затем унесли и столик. Модэ поднялся с места и, подав девушке руку, помог ей встать.

– Гунны следуют только повелению Владыки небес Тенгри, – сказал он, пристально глядя девушке в глаза. – В поход мы выступим в полнолуние,

только тогда Тенгри поддержит нас. Длинный Хянь, надеюсь, продержится до того времени.

– Будем надеяться на это, хан Модэ.

Модэ крепко и страстно обнял девушку, затем поднял её на руки и понёс к стоявшей в углу кровати. Там он принялся ласкать и обнимать Сяо Хэ. Глаза девушки набухли от слёз...

* * *

Скорбный свист воющих стрел слышался теперь уже на подступах к китайской стене. Словно бурные морские волны, шеренга за шеренгой, тысяча за тысячей с промежутком времени, за которое можно вскипятить молоко, неустанно накатывались войска гуннов на эту почти неприступную крепость... Один из тех самых остряков-балагуров набросил аркан с петлёй на китайского воина, который стоял на крепостной стене и целился в кого-то из лука, затем стянул наземь и, вынув кинжал, собрался прикончить его. Второй нашёл время вернуть острое словечко даже в такой тяжёлой ситуации:

– Эй, да зачем тебе его убивать?! Лучше отдал бы ему в жёны свояченицу и сделал бы его свояком.

Тот тоже не остался в долгу:

– За кого ты принимаешь мою свояченицу! А что я буду делать, если она начнёт упираться, мол, чем выходить замуж за китайца, да лучше я в куйеке лежать останусь?!

– Ха-ха-ха-ха!..

Вдруг один из них внезапно осёкся; в горло ему с глухим шлепком вонзилась стрела. С застывшей на лице улыбкой он медленно повалился на землю. Второй испуганно глянул на друга и попытался было оттащить его в укрытие, но было уже поздно, голова несчастного бессильно свесилась набок. Разъярённый смертью своего неразлучного товарища, он дико заорал, развязал петлю своего длинного аркана, затянутую на шее безжизненно лежавшего китайского солдата, вытащил из-за пазухи железный крюк, прикрепил его к кончику аркана, затем со всей силой закинул его на стену. Потянув аркан на себя, он убедился, что крюк надёжно зацепился за стену, быстро вскарабкался по нему вверх и, вытащив саблю, вступил в схватку. Зарубив в бешенстве несколько китайцев, встретил тотчас и свою смерть.

Китайские войска бежали, гунны перешли на ту сторону стены. Отовсюду полыхало зарево пожарищ, то тут, то там раздавались крики, рыдания, плач детей, женщин, стариков...

Во дворце китайского императора на троне восседал полководец Лю Бань, который сейчас именовал себя императором Гао-ди. Вошёл стражник и склонил голову в поклоне.

– Говори!

– Явился полководец Фан Кхуай.

– Пусть войдёт!

Стражник вышел, следом вошёл Фан Кхуай. Пал ниц на мраморный пол, затем пополз на четвереньках до середины тронного зала, поднял голову и, не вставая с четверенек, расстегнул на себе доспехи и по традиции китайских аристократов порвал на своём правом плече нижнюю рубаху.

– Император! Прикажи отрубить мне голову! Я не смог защитить границы, гунны полностью захватили земли до Жёлтой реки, включая Ордос.

Гао-ди встал с места. Горбатый нос его свесился ещё ниже, глаза стреляли.

– Где твоё войско?!

Фан Кхуай вновь пал ниц, затем опять поднял голову и натужно закричал:

– Половина войска уничтожена. Если бы гунны гнались за нами по пятам, то погибла бы вся армия. Отправь меня к праотцам, император! Я в полной мере достоин такого наказания!

Выражение на лице императора немного смягчилось:

– Подними голову, Фан Кхуай! Встань!

У того рот приоткрылся от удивления, но встать с места он не осмелился. Император подошёл к нему, помог подняться, а сам вновь вернулся назад и сел на трон.

– Гунны и войска Хянь Юя не объединились?

– Нет, император. Между гуннами и Хянь Юем стоят наши войска. Хотя мы наголову разбиты гуннами, но в силах отразить их атаки.

– Фан Кхуай, ты один из моих верных соратников, с которым я плечом к плечу боролся за то, чтобы спасти империю от распада. Насколько я безжалостен по отношению к своим противникам и к тем предателям, кто ещё вчера назывался моими сторонниками, но в трудные моменты отвернулся от меня, настолько я умею ценить своих истинных и преданных мне собратьев по оружию и их ратные заслуги. Да и гуннам, наверное, победа эта далась нелегко. Ты отдавал приказ войскам прекратить войну?

– Да, император. Мы укрепились на левом берегу Жёлтой реки.

– Хорошо. Пусть твои войска остаются на тех позициях, а ты сам поедешь руководить войсками, которые сражаются против Хянь Юя. Надень кольчугу, Фан Кхуай! На этот раз ты должен возвратиться с победой. Счастливого пути!

– Покорно повинуюсь, император! Я приведу к тебе Хянь Юя живым или мёртвым! Клянусь!

– Постарайся привести его сюда живым!

– Разреши мне идти, император.

– Иди!

Открылись двери и вошёл стражник:

– Император, приехали послы кагана гуннов.

Придворные засуетились от растерянности. Фан Кхуай, собиравшийся покинуть тронный зал, резко остановился и бросил в сторону Лю Баня вопросительный взгляд.

– Впусти! – сказал император стражнику. Затем обратился к Фан Кхуаю: – А ты можешь идти.

Когда Фан Кхуай уже выходил, вошли послы. Шанрык-батыр, возглавлявший двоих гуннских послов, и Фан Кхуай посмотрели друг на друга пытливym взглядом и задержались на миг-другой. На лице китайского полководца читались гнев, раздражение и досада, а Шанрык смотрел на него пытливо, словно прицениваясь. Спутники же гуннского батыра окинули Фан Кхуая взглядом, полным насмешки и издёвки. А тот потемнел от злости, нахмурил брови и, задыхаясь от досады и огорчения, торопливо вышел из дворца. Послы прошли на середину зала, приложили левую руку к груди и поклонились императору.

– Великий хан Модэ, ставший ханом при поддержке самого Владыки небес Тенгри, шлёт тебе, император Лю Бань, большой привет! – обратился было к императору Шанрык, как тот перебил его.

– Гао-ди! – провозгласил он торжественно. – Будет правильно, если ты будешь называть меня именно так. Лю Бань – прежнее имя, когда я ещё был полководцем.

Шанрык в поклоне склонил голову.

– Император Гао-ди! Великий хан Модэ предлагает тебе заключить мирное соглашение. Если ты принимаешь предложение, то мы готовы объявить наши условия.

Император насмешливо посмотрел на Шанрыка:

– Интересные всё-таки у гуннов обычаи, посол. Не зная, какие условия будут нам выдвинуты, как же я могу принять предложение хана Модэ? Такие безоговорочные требования выдвигают стороне, которая потерпела окончательное поражение и сдалась на волю победителя! Или же ваш хан наивно полагает, что одержал надо мной победу? Я не сомневаюсь в величии хана Модэ, но знаю и то, что титул сей ему присвоили правители тех стран, которые вынуждены были попасть под его власть. Однако мы не зависим от него, хотя проиграли эту битву и лишились части нашей территории.

Шанрык держался свободно, спокойно и с достоинством. Да и ответы его звучали убедительно и веско:

– Император Гао-ди, ты говоришь не о чужих странах, а о ханствах. Все, кто прежде рвался к власти над всей степью, разделив единый народ на удельные ханства, сейчас единогласно признали власть Великого хана Модэ и объединились под ней как одна страна, как единый народ.

– Ну, а те, кто не признал, те лишились головы, и об этом я знаю. Как я заметил, передо мной стоит не кто иной, как главный визирь и главный военачальник Шанрык-батыр? Почему же хан Модэ не подумал, что в качестве посла надо отправлять не своего полководца, а кого-нибудь из советников?

Шанрык ответил ему с достоинством и спокойствием, словно не заметив насмешки со стороны императора:

– Каждый верноподданный нашего хана, причастный к управлению страной, достоин быть и полководцем, и советником. Мы придаём значение не красивым словам, а словам по существу. Гунны никогда не зарились на чужие владения и впредь не собираются делать это. Мы не захватывали твои земли, ты ошибаешься. Тебе хорошо известно, что Ордос – исконная земля гуннов и что в своё время по прихоти и наущению Жёлтого императора полководец Мын Тъхян изгнал оттуда наш народ. А условия наши следующие. Первое – мы будем свободно кочевать на Ордосе, ты не будешь препятствовать этому, границу мы обозначим не за пределами Великой стены, а от берегов Жёлтой реки. За это мы обязуемся охранять твои западные рубежи. Пока есть на земле народ гуннов, никакие внешние враги не смогут нарушить твои границы. Второе условие. Ты должен передать нам полководца Хянь Юй лехоу. Он тесть Великого хана Модэ.

Император всем своим видом выказал удивление.

– Хотя Хянь Юй является знаменитым полководцем, но происходит не из знатного рода. Занятно, что выбор великого хана Модэ пал на его дочь.

Шанрык отреагировал на это весьма жёстко:

– Император Гао-ди, ты ведь и сам был ещё вчера простым полководцем.

С лица Лю Баня вмиг сошло благодушное выражение, брови нахмурились, а глаза загорелись злобными искорками, но он тут же взял себя в руки и через силу улыбнулся:

– Первое условие великого хана Модэ мы принимаем, но второе считаем невыполнимым. Потому что Хянь Юй – государственный преступник, который с целью свержения и захвата законной власти поднял мятеж. Правитель одной страны не вправе вмешиваться во внутренние дела другой.

– Великий хан Модэ лично ручается за то, что полководец Хянь Юй лехоу не выступит больше против Срединного царства.

– Хорошо, раз это так, то мы принимаем и это условие хана Модэ, но сейчас Хянь Юй воюет против нас, и для того, чтобы передать его вам, мы должны вначале поймать его. Он – человек чести, храбрый и отважный витязь, поэтому, возможно, предпочтёт погибнуть в бою, чем сдаться в плен.

– Если ты пошлѐшь вестового с приказом, чтобы твои войска прекратили боевые действия, то полководец Хянь Юй должен согласиться перейти на нашу сторону.

Лю Бань наигранно засмеялся:

– У нас нет другого выхода, чем этот, Шанрык-батыр. Конечно, мы так и поступим. Однако характер у Хянь Юя скандальный и несговорчивый, и что нам делать, если он не согласится? Он попросту может не поверить нам.

– С нами вместе прибыл один из верных ему людей. Пошли его вместе с вестовым.

– Ну, раз такое дело, то договорились, мы тоже поддерживаем мир и согласие. Клянусь со своей стороны не нарушать это соглашение.

– Великий хан Модэ всегда верен своей клятве и своим обязательствам.

– Будьте гостями, отдохните, послы. Завтра отправитесь назад.

– Благодарим за гостеприимство, император. Нам некогда отдыхать, мы отправляемся назад немедленно. Мы верим, что вы отправите вестового как можно скорее.

Лю Бань рассмеялся от души:

– Конечно, Шанрык-батыр. Я сейчас прямо на ваших глазах отправлю его. – Он отдал приказ кому-то из своей охраны: – Возьми с собой человека полководца Хяня и немедленно скачите вслед за Фан Кхуаем. Пусть прекратит боевые действия и сопроводит Хянь Юя до границы.

– Повинуюсь покорно, император.

Вестовой вышел из дворца вместе с человеком Хянь Юя. Император обернулся к Шанрыку:

– Ну вот, Шанрык-батыр. Сам видишь, что мы всегда готовы выполнить требования великого хана Модэ, передавай наш большой привет и поклон правителю гуннов.

– Прощай, император Гао-ди. Я передам твой привет его высочеству хану Модэ.

Шанрык и его спутники прижали левую руку к груди, поклонились в знак уважения и вышли.

Император вновь обернулся к одному из приближённых:

– Догонишь этих. Убьѐшь человека Хянь Юя. Затем немедленно скачи к Фан Кхуаю, пусть во что бы то ни стало прикончит Длинного Хяня! Скачи прямо сейчас!

– Повинуюсь покорно, император.

После того как вышел посланный в погоню громила, император обвёл взглядом своих приближённых.

– Да, многое о себе возомнил царь гуннов! Хочет свергнуть меня с трона и вместо меня посадить на него Хянь Юя! Ну, этого ему сделать не удастся. Шею ему сверну! Гунны никогда не смогут помыкать нами!

* * *

Модэ сидел в пещерной обители тибетского мудреца, рядом с ним расположились его нукеры, напротив устроились мудрец и его ученики. Брат Модэ занял место между ними, разложил свитки на низком столике, а затем расправил один из них. На нём был начертан древнетюркский алфавит:

– Мы привели письменные знаки в единую закономерность, хан Модэ, – объяснял мудрец. – С помощью ханзады нам удалось достать значительное количество бумаги, теперь мы отберѐм самых способных учеников и обучим их грамоте.

Модэ взял в руки свиток, пробежал по нему глазами и передал Шанрыку. Тот тоже пробежал взглядом по листку бумаги и передал его одному из нукеров.

Все присутствующие просмотрели непонятные ещё для них рунические знаки, и бумага вновь очутилась на столике.

Ханзада радовался, словно дитя:

– Это письмо, которому нет равных на всём белом свете, ханием! – сказал он восторженно. – С помощью этих знаков мы сможем начертать все слова, имеющиеся в нашем языке. Такого письма не было никогда прежде ни у одного народа!

Лёгкая усмешка скользнула на губах у мудреца:

– Ханзада ещё слишком молод и не знает некоторых вещей, хан Модэ. С сотворения мира на земле появлялось немало разных народов, многие из которых затем бесследно исчезли. Среди них были и достигшие высокого развития, как в искусствах и науках, так и в письменности. Я слышал, что на крайнем западе есть страны, где по сей день пользуются письмом, напоминающим наше.

Ханзада удивлённо уставился на мудреца. Модэ заговорил с жёсткими нотками в голосе:

– А почему мы не слышали об этих исчезнувших народах?

– С тех пор прошло немало времени, хан Модэ. Может быть, даже и несколько тысяч лет. К тому же они проживали в других, порой весьма отдалённых отсюда краях.

В разговор вмешался Шанрык:

– Но, наверное, их печальная участь не постигнет мужественный гуннский народ, сотворённый сиянием Владыки небес Тенгри? Что скажешь на это?

Мудрец не проронил ни слова, лицо его было печальным. Модэ поддержал вопрос своего спутника.

– Мы ждём твоего ответа, мудрец.

Но мудрец не очень-то спешил отвечать. Модэ и Шанрык не сводили с него глаз. Ханзада с каким-то настороженным любопытством смотрел то на них, то на мудреца.

– Владыка небес Тенгри сотворил множество миров, небесные светила, земную твердь, всё живое и неживое на ней, в том числе и самого человека, – проникновенным голосом начал свой рассказ мудрец. – Кому и чему из них, сколько суждено просуществовать и прожить, неведомо никому, кроме Тенгри. Поэтому строить предположения и догадки на этот счёт уже само по себе является кощунством, хан Модэ.

Облик Модэ стал обретать всё более мрачный вид. Он смотрел на мудреца испытующим взглядом:

– Я объединил все кочевые народы, всех их собрал под одним знаменем. Поэтому хочу знать, сохранится ли в будущем это единство.

Мудрец посмотрел ему в глаза, но взгляд у того был непроницаем.

– Всё это прежде всего во власти и руках самого Владыки небес Тенгри и только потом зависит от действий и помыслов правителя и от устремлений и чаяний подвластного ему народа, хан Модэ.

– Говори яснее! – требовательным голосом прорычал Шанрык.

Мудрец впервые за всё время бросил свой взгляд на него и вновь проникновенно посмотрел в глаза Модэ. Тот тоже с нетерпением ожидал его ответа.

– Откровенно говоря, будущее предвидеть и предвосхитить невозможно, потому что в этом мире нет ничего неизменного, – задумчиво произнёс мудрец. – Нынешнее будущее и завтрашнее будущее могут не совпадать, как я уже вам говорил, всё может измениться в любое мгновение. Всё это, по сути, зависит от мыслей и чувств людей.

– Ну, коли так, то попытайся прояснить нам нынешнее будущее, – попросил Модэ.

Мудрец насупил свои брови, посмотрел себе под ноги и задумался на несколько мгновений.

– Хорошо, хан Модэ, попытаюсь. И всё же предупреждаю ещё раз: если мысли, чувства, надежды, чаяния и устремления, как твои, так и твоих потомков и подвластного им народа, будут во многом совпадать, то ближайšie две тысячи лет будущее может выглядеть приблизительно следующим образом...

В отшельнической келье-пещере мудреца воцарилась мёртвая тишина. Мудрец закрыл глаза и, слегка покачивая головой из стороны в сторону, заговорил вдруг хрипловатым пророческим голосом. На одно мгновение всем сидящим показалось, что пещеру словно заволочло лёгким туманом, сквозь который как будто стали проступать смутные очертания грядущего.

– Владыка небес Тенгри подарил тебе долгую жизнь, хан Модэ. Ты добьёшься поставленной перед собой цели, только не должен напрасно проливать кровь. Приблизительно через тысячу лет твой народ расколется надвое, одна часть примет новую религию, а вторая будет следовать пути, предначертанному Буддой, по этой причине начнутся значительные расхождения между ними в языке. Потом они разделятся на несколько ханств. В течение всего этого времени всеми возникшими на их основе государствами будут править твои потомки. Затем зародится совершенное иное, новое время...

* * *

Зимой огромная армия императора Гао-ди выступила в поход. Ближе к полудню навстречу им выдвинулись и гуннские войска. Началась кровавая сеча. К вечеру гунны стали терпеть поражение и обратились в бегство. Китайская конница преследовала их. В горячке погони воины Поднебесной и сами не заметили, как слишком далеко оторвались от своей пехоты. Конница прекратила преследование и остановилась на привал, когда уже сгустились сумерки. Император отдал приказ своим приближённым:

– Здесь мы разобьём лагерь, дадим коням передышку. Воины пусть подкрепятся и отдохнут. Выставить по всей окружности лагеря сторожевые посты на расстояние полёта стрелы!

Забили барабаны, войско встало лагерем. Для императора быстро поставили шатёр, все забегали, засуетились, разбивая также палатки для всего войска. Император вошёл в шатёр и собрал на военный совет своих полководцев.

– Итак, мои доблестные военачальники и высокопоставленные сановники! – обратился Гао-ди к собравшимся воодушевлённым, чуть ли не ликующим голосом. – Разве не мы разгромили непобедимую армию великого хана Модэ?! Завтра мы снова будем преследовать их, пока не отбросим за Вечную Крепость и не изгоним навсегда из наших пределов. Что скажете?

– Сомнений в нашей победе нет, – заговорил один из полководцев. – Враг дрогнул и побежал, а боевой дух наших воинов поднялся неизмеримо высоко. Надо догнать войско гуннов и полностью его уничтожить.

– Этого добиться будет весьма непросто, – возразил второй полководец. – Гунны враги неслабые, и то, что они сегодня бежали, ещё ровным счётом ничего не значит. Завтра они соберутся с силами и могут атаковать нас сами. Такова их извечная тактика. К тому же у каждого гуннского воина имеется запасной конь, а вот наши кони устали, да и воины проголодались.

– Коня до утра восстановят свои силы, – сказал император. – И воины подкрепятся. Ночь долгая, до утра наверняка выспятся как следует.

– Какой сон у голодного человека, император, – не унимался тот самый второй полководец. – Пока мы преследовали гуннов, наш отрыв от пехоты оказался слишком большим, а ведь там находится и хозяйственный обоз с провизией.

– Как это так? – император был неприятно удивлён этим. – Пехоту возглавляет Фан Кхуай, почему он задерживается?!

– Не в этом дело, – вновь заговорил второй полководец. – Меня терзают сомнения: а что, если гунны нарочно бросились в бегство от нас, чтобы мы оторвались как можно дальше от своей пехоты и от обозов с провизией?

– Выясни немедленно! – заорал император. – Пошли гонцов к Фан Кхуаю и к хозяйственному обозу! Пусть подтянутся сюда до рассвета!

– Повинуюсь покорно, император, – ответил полководец и, прижав руку к груди, склонил голову в поклоне.

* * *

Перед рассветом тревожно забили барабаны, затрубили кернеи, в стане китайской конницы поднялась паника. Император соскочил с постели и наспех стал одеваться.

– Охранник! – закричал он, облачаясь в кольчугу. У двери тут же, словно из-под земли, вырос охранник и поклонился ему в пояс.

– Вызови полководцев!

– Слушаюсь, император!

Когда охранник вышел из шатра, у входа столпились полководцы – их не пускали стражники. Ещё несколько военачальников вприпрыжку приближались к шатру.

– Впустить полководцев! – рявкнул охранник на стражников. Те дружно поклонились ему.

– Что тут происходит?! Что за шум?! – спросил растерянно император у выстроившихся перед ним в ряд полководцев.

– Нас застали врасплох, – ответил один из них. – Гунны полностью обложили наш лагерь. Они движутся на нас со всех сторон.

– Что?! – натужно крикнул император. – А где... где Фан Кхуай?!

– Не знаем. Нет известий.

– И хозяйственный обоз не подошёл?!

– Не подошёл, император.

– Воины ничего не ели?!

– Это так, император.

– О боже!.. Они нас перехитрили! – Император плюхнулся всем телом на походный трон. Военачальники были мрачны и подавлены, головы их были опущены вниз...

Всё стало очевидным, когда солнце едва выглянуло из-за горизонта. Гуннские войска двигались на них со всех сторон. Но подойдя к лагерю на расстояние досягаемости выстрела из лука, они вдруг резко остановились. Выяснилось, что хан Модэ заранее подготовился к тому, чтобы вчерашним отступлением выманить конницу далеко в степь и внезапным манёвром взять её в кольцо окружения. Каждое подразделение было строго верхом на конях одной масти. Если на западе стояли, выставив свои копыта, сарбазы сплошь верхом на светло-серых конях, то на востоке – на саврасых, на севере – чёрных, на юге – рыжих. Устрашающе грозно выглядело это живое конное кольцо. Император с полководцами находились в полной растерянности, тревожно ожидая, когда, наконец, раздастся боевой клич гуннов, и вражеское кольцо хлынет своей массой на них со всех сторон. Беспokoйно гарцуя на своём коне, Гао-ди несколько раз объехал свою конницу, занявшую круговую оборону, чтобы поднять боевой дух воинов. Хотя они со вчерашнего дня ничего не ели, но были полны решимости отразить неотвратимо назревавшую атаку врага.

– Сейчас они начнут нас атаковать, – сказал император своим спутникам проникновенным голосом, стараясь быть хладнокровным. – Живыми мы им не дадимся!

– Прямо перед нами стоит войско численностью приблизительно в десять тумен, – сказал один из полководцев, сопровождавших императора.

– Справа нам противостоит столько же.

– Слева стоит войско численностью в десять тумен.

– Численность войск, стоящих позади нас, тоже составляет десять тумен.

Гао-ди был явно ошарашен увиденным и не знал, что сказать своим спутникам.

– Мы попали в капкан! Теперь мы все погибнем.

Однако гунны стояли всё так же неподвижно в походном строю, готовые в любой момент смять и смести врага, осыпать его тучей стрел, если он выстрелит из луков первым, порубить всех поголовно в сабельной сече, если он вздумает обнажить сабли. Тревожное ожидание усиливалось тем, что войско гуннов не предпринимало никаких действий, словно не на войну они вышли, а на какой-то строевой смотр, застыли, будто каменные изваяния – балбалы. Что за гнетущее противостояние, которое не может вылиться ни в стремительную атаку, ни в стрельбу из луков, ни в привычный для них вызов на поединок? Что ещё задумал царь гуннов? Или же сами ждут атаки противника? Солнце поднялось уже высоко, лучи его, отражаясь от снега, ласково слепили глаза. Вот уже наступил и полдень. Внезапно в рядах гуннских войск началось какое-то движение.

– Готовься! – приказал Гао-ди.

Однако, похоже, они задумали не атаку, а что-то другое. Половина гуннского войска резко развернулась и начала отходить назад. Как это понимать? Кто-то из императорского окружения нашёл ответ и на этот вопрос.

– Император, гунны уходят на обед.

– Хотят подкрепиться перед битвой. А у наших воинов и питьевой воды нет.

Словно подтверждая эти слова, кто-то из воинов свесился всем телом с коня и, схватив горсть снега, поднёс его ко рту. Когда солнце стало клониться с точки зимнего зенита в сторону заката, вернулась ушедшая на обед половина и встала в строй. Теперь на обед последовала другая половина войска. Гао-ди готов был лопнуть от досады. Нет ни воды, ни еды, от неподвижного сидения в седле на одном месте заоченело всё тело, и он сам, и его окружение стали трястись от холода. Все воины сидели на конях, кто съёжившись, кто нахохлившись, словно к сёдлам примёрзли. Да что это за война такая! Нет на свете ничего страшнее и труднее ожидания, ну а ещё неизмеримо труднее, когда ты ожидаешь атаки своего кровного врага, намного превосходящего тебя силой, числом и умением. И от этого ты всем своим телом ощущаешь, как тебя покидают силы, как сердце охватывает отчаяние и ужас. Вот и солнце зашло. Гунны, выходит, ждут ночной атаки! Нет, они повернули коней и уходят назад. Снова выжидают момент, чтобы вероломно напасть на них? Император отдал приказ своему окружению.

– Воинам не спешиваться! Гунны нарочно отходят назад, чтобы мы сошли с коней. И когда мы сделаем это, они мгновенно развернутся и бросятся на нас в атаку.

– Покорно повинемся, император.

Двое вестовых поскакали в разные стороны, чтобы довести до всех приказ императора. На скаку они выкрикивали во весь голос:

– Не слезать с коней! Гунны могут напасть в любой момент!

– Будьте готовы отразить атаку!

Наступила ночь, на небе замерцали звёзды, китайское войско всё ещё сидело верхом на конях. Кто-то из приближённых дал совет императору:

– А что, если мы пошлём разведчиков, император?

– Послать разведчиков во все стороны!

Двое вестовых снова помчались, чтобы разнести приказ по всему войску. Спустя некоторое время на белом снегу появились тёмные силуэты четверых

всадников, которые стали постепенно отделяться в разные стороны от лагеря. Но не успели они исчезнуть из поля зрения, как всем четверым в грудь впились смертельные стрелы, и они безжизненно свесились со своих коней. Такая же участь постигла и следующих посланных в разведку всадников. Однако убиты были они не воющими стрелами, от которых волосы на голове встают дыбом и мурашки пробегают по всему телу, а обычными, которые вонзаются в плоть с глухим, почти беззвучным стоном. Выходит, гунны притаились и ждут, когда они спешатся с коней. Что же теперь делать? Взошла луна. Воины вконец обессилели, едва-едва держались в сёдлах. Некоторые и вовсе уткнулись головой в конские гривы.

Император отдал новый приказ:

– Пусть половина воинов отдохнёт, они сменят другую половину перед рассветом.

И снова поскакали вестовые, чтобы объявить всему войску новый приказ. Те, кому выпала очередь отдыхать первыми, торопливо спешили с коней и пошли к своим палаткам, едва волоча ноги и трясясь от пробравшего их до самых костей холода. Войдя в палатки, не снимая доспехов, они изнемождённо попадали наземь. Вошёл в свой шатёр и император. Сняв кольчугу и прочие доспехи, лёг в постель в верхней одежде и тут же захрапел... Проснулся он от того, что кто-то тормозил его. Резко вскочив с постели, он схватил саблю, приклонённую к изголовью.

– Это мы, император, – сказал ему один из приближённых. – Поешьте, подкрепитесь.

Второй тем временем придвинул низенький столик, третий поставил на него большое круглое блюдо, доверху наполненное дымящимися кусками мяса.

– Откуда взялось это мясо? – спросил Гао-ди.

– Пришлось зарезать коней. Поджарили на костре.

Гао-ди отрезал ножом кусок мяса и только отправил его в рот, как тотчас им поперхнулся. Отложив нож в сторону, принялся вытирать полотенцем, услужливо поданным одним из приближённых, брызнувшие из глаз слёзы, а затем всё лицо.

– Другого выхода у нас не было, император. Прости.

Гао-ди брезгливо поморщился, глядя на мясо, и обвёл взглядом своих приближённых. На голодных людей не похожи, видимо, насытились этим мясом. У одного на усах застыли мелкие кусочки жира.

– А воинам дали?

– У них не было сил искать себе пропитание, император. Одна половина войск дремлет в сёдлах, другая спит в палатках без задних ног.

Как ни противно было Гао-ди, но в желудке у него нестерпимо посасывало от голода и, чтобы как-то заглушить это невыносимое состояние, он вновь взял в руки отброшенную мясистую кость. Ел он мясо осторожно, маленькими кусочками.

– Пусть каждая сотня зарежет по одному коню! – приказал он, когда желудок у него заурчал от сытости.

– Нечем огонь разводите, император. Хотя здесь предгорья, но мы остановились там, где не то что кустарники, даже трава не растёт. Кони тоже проголодались, нечем тебеневать – подножного корма нет.

– Что?! А как же пожарили это мясо?

– Использовали для растопки древко копий, взятых из тысячи копьеносцев.

У императора глаза от возмущения на лоб полезли. Он, похоже, не мог осмыслить того, что ему сейчас сказали.

– Целая тысяча осталась без оружия?! Чем же теперь они будут воевать?

– Не волнуйтесь, император, у них, кроме копий, есть и другое оружие. Луки, сабли..

– Ну... и как же вы собираетесь накормить войско?

– Император... Накормить всё войско не было никакой возможности. Дров не хватило. Успели нажарить мясо нескольких коней. Поесть смогли только военачальники.

Император поник головой:

– О небо!.. Неужто гунны нарочно завели нас за собой в эту голую пустошь?!

– Вполне возможно, император. Они эти степи знают куда лучше нас.

– Вы сменили воинов?

– Хотим сделать это перед рассветом, император. Воины измотаны настолько, что поднять их невозможно.

– А те, что на конях бодрствуют, отдыхать не будут? Смените немедленно!

– Покорно повинуюемся, император.

Один из приближённых поклонился и вышел из шатра.

* * *

На рассвете половина китайского войска оседлала коней, другая половина спала в палатках без задних ног. Император со своими приближёнными объехал войско. Воины с трудом держались в седлах, настолько они обессилели от голода.

– Император! – обратился к нему один из полководцев и, указывая на горизонт, продолжил: – Гунны в том же порядке, что и вчера, следуют по направлению к нам.

– Приготовиться к битве! – гаркнул Гао-ди, выхватывая из ножен саблю. Воины стали готовиться к бою, кто-то взял наизготовку лук, а основная масса вынула сабли из ножен. Император и его окружение объехали на скаку всё войско. Гунны подступили к ним со всех сторон и, приблизившись на недостижимое для выстрела из лука расстояние, резко остановились.

– Чего же они остановились?! – закричал в бешенстве Гао-ди, терпение которого было уже на исходе. – Или же они ждут, когда мы сами нападём на них?! Да кто же так воюет?!

– Они хорошо знают, что мы и наши лошади голодны, император, – сказал один приближённых. – Похоже, ждут, когда мы совсем ослабнем. Тогда они без особого усилия перебьют нас всех до единого. Не лучше ли нам погибнуть в открытом бою?!

– Нет, по-моему, надо подождать до самого конца, – возразил ему второй. – Кто знает, возможно, к тому времени на выручку к нам подоспеет и Фан Кхуай со своей пехотой.

– Такой мощный заслон Фан Кхуай прорвать не сможет, – не унимался первый. – Зачем напрасно тешить себя надеждой?

– Но и смерть торопить не стоит, – урезонил его второй. – Может быть, пошлём к царю гуннов своих послов и сдадимся на милость победителю?

– Пощады просить и сдаваться не будем, но вот послов отправить попробуем, – сказал император. – Почему они не начинают бой, надо узнать, может, они хотят нам выдвинуть свои условия. Возьми с собой двоих и поезжай к ним. Позови трубача, пусть сыграет сигнал о том, что к ним направляется посол!

– Слушаюсь, император!

Сразу же после того, как керней протрубил сигнал, посол с двумя воинами лёгкой нарысью поскакал к гуннам. Но стоило им только пересечь линию досягаемости стрелы, как все трое, став лёгкой мишенью для гуннских мергенов, были пронзены стрелами и безжизненно повисли на стременах своих коней. Император, не сдерживая своего гнева и ярости, заорал во всю глотку:

– Ах, какие негодяи! Они не хотят даже вести с нами переговоры о перемирии!

Конь под ним встал на дыбы и завертелся-закрутился на одном месте, но повести войско в атаку император не осмелился. Да и войско, едва сидевшее на конях, вряд ли могло извлечь пользу из этого. Солнце поднялось уже над головой. Гунны, так же, как и вчера, отправили половину своих воинов обедать в курены⁴. Через некоторое время они вернулись и сменили оставшуюся половину войск. Вновь повторилась вчерашняя картина неподвижного противостояния. Солнце к тому времени уже закатилось. В ночных сумерках гуннское войско пришло в движение, и было едва видно, как оно отходит от своих позиций. Император вернулся в свой шатёр. Китайские воины, с трудом спешившись с коней, спотыкались и падали на ходу от неимоверной усталости. Поддерживая друг друга, они насилу добирались до своих походных шатров. Один обморозил руку, второй отчаянно дёргал ногой, пытаясь стянуть с себя сапоги...

В императорском шатре проводился военный совет.

– Император, большая часть войска обморожена, – сказал кто-то из полководцев. – Те, кто обморозил ноги, не может сесть на коня, кто руки – не может натянуть лук или сжимать в руках саблю. Боюсь, что завтра многие не смогут встать в строй.

– Кого выставили в караул? – спросил уставшим голосом император.

– На сегодня нашлись люди, которые пошли в караул, но, возможно, до расвета и они могут обморозить руки и ноги.

– Что нам теперь делать? – спросил император, оглядывая всех собравшихся. – У кого имеются какие-нибудь соображения?

На мгновение в шатре воцарилась тишина. Все сидели, опустив головы.

– У меня есть одно предложение, император, – нарушил тишину один из полководцев. – Но сомневаюсь, что из этого получится что-то путное.

– Говори.

– Скажу вот что... Одна из жён хана Модэ китаянка, но она дочь государственного преступника Хянь Юя. Кто знает... Может быть, попробуем отправить к ней человека?

– Как же, станет она нам помогать, если только сама не начнёт истреблять нас вместе со своим мужем! И как только у тебя язык повернулся предложить такое! – прикрикнул на него другой полководец.

– А тебе откуда знать, что у неё на уме? – задал ему встречный вопрос первый полководец. – Если у тебя имеется более приемлемое предложение, так выскажись!

– У неё на уме только одно – отомстить нам за смерть своего отца! – отрезал второй, постоянно вступавший с первым в споры и пререкания. – Предложение это я не поддерживаю. Однако и ничего другого предложить не могу.

– А кто тебе сказал, что гунны, которые сегодня у нас на глазах пристрелили наших послов, допустят кого-нибудь к ханум? – со злорадством уставился на первого третий полководец. – Правда, и у меня нет толковых предложений. Теперь ясно, что воевать мы уже не сможем, войска наши не годятся для того, чтобы дать отпор. Ни еды, ни хворостинки, чтобы у огня погреться, многие из воинов обморожены, больны и обессилены. Что вы хотите, целый день напролёт с коней не слезают, всеми ветрами продуваются. Вчерашнее сильное войско сегодня превратилось в беспорядочную толпу, которая не в силах даже держать оружие.

– Да, положение у нас тяжёлое, – печально вздохнув, упавшим голосом вымолвил император. – Дочь Хянь Юя ненавидит нас пуще самих гуннов. Однако... Наверное, всё же стоит попробовать. То, что мы обречены на поголовное истре-

⁴ Лёгкая походная юрта.

бление, давно уже ясно, поэтому не стоит упускать ни малейшей возможности избежать этого. Найдите троих человек, знающих язык гуннов, и отправьте к ней!

* * *

В походной восьмикрылой юрте Модэ за длинным низеньким столиком сидели и трапезничали сам хан, дочь Длинного Хяня, Шанрык и ещё три полководца – всего шесть человек. На светильниках, прикреплённых к решетчатым стенам юрты, горели лампы. Вошёл охранник и, прижимая правую руку к груди, склонил голову:

– Ханием, мы поймали китайских лазутчиков.

– Введи!

– Ляпшай, таксыр.

Охранник вышел и вскоре привёл троих китайцев, подталкивая их в спину. Едва переступив порог, они дружно пали ниц, задрвав кверху свой зад.

– Встаньте! – резким голосом приказал им Модэ. – Ну, рассказывайте. Кто вы, откуда и куда путь держите?

– Мы будем говорить только с разрешения великого хана Модэ, избранного правителем гуннов самим Владыкой небес Тенгри, – подняв голову, обратился к нему один из них. – Мы посланники Сына Неба, явились с особым поручением от нашего императора к твоей яньчжи⁵ – Младшей ханум.

Модэ вперил взгляд в ханум.

– Младшая ханум сидит перед вами.

– О великий хан Модэ, повелитель всех гуннов, Сын Неба поручил нам передать привет вашей супруге наедине.

– Ты примешь их в отдельной юрте, ханум? – спросил Модэ.

– Нет, ханием. Пусть говорят здесь, в твоём присутствии, – улыбнувшись, ответила она своему мужу. Затем обратилась к китайским послам: – Вероятно, Лю Бань не дружит со своей головой, раз хочет сделать яньчжи повелителя гуннского народа хана Модэ своей лазутчицей. Или сильно проголодался, не выдержав двух дней голода?!

Китайский посланник нимало не смутился такому ответу:

– Император Гао-ди не считает тебя ни своей лазутчицей, ни дочь врага государства, несмотря на то, что смертельно враждовал с твоим отцом Хянь Юем. Он считает тебя, досточтимая яньчжи, младшей ханум великого хана – кагана Модэ. – торжественно заявил он ей. – А прислал он нас с одной лишь целью, чтобы ты передала великому хану Модэ, что Сын Неба хочет жить в мире и братских отношениях с правителем гуннов.

– С каких это пор Лю Бань назначил меня своим послом у гуннов? – с издёвкой спросила у посла Сяо Хэ. – Разве такое поручение возлагается на жену врага, а не на посла?

– Досточтимая яньчжи, Сын Неба возлагает на тебя надежды как на дочь нашего народа и представительницу Поднебесной, живущую среди доблестного гуннского народа. Он сказал: «Если ей не жалко меня, так пусть хотя бы подумает о судьбе своего народа. Если хан Модэ истребит моё войско, пусть хотя бы не нападает на нашу страну!» И пожелал, чтобы ты обратилась от его имени с такой просьбой к своему мужу.

– Нет! – ответила, как отрезала ханум. – Да, когда-то я действительно была дочерью своего народа, я всем сердцем переживала за свой народ, но разве не Лю Бань вероломно убил моего отца, когда бразды правления над этим народом он взял в свои руки, и разве не он изгнал меня с моей родины! И как после всего этого

⁵ Так китайцы называли жён правителей.

у него хватает наглости просить у меня помощи?! Сейчас я – младшая ханум гуннского народа. Это не Китай. Хан сам решает, что делать и как обойтись с врагом.

Затем обернулась к Модэ.

– Таков мой ответ, ханием. Я не буду возражать, если ты отрубишь им головы, а Лю Баня истребишь вместе со всем его войском. Даже бровью при этом не поведу. Заявляю это не из мести, а потому что Лю Бань незаконно занял императорский трон, утопил в крови свой собственный народ и за это должен понести суровое наказание. А что ты будешь делать с народом: рассеешь ли его по миру, сам ли будешь править им или же обложишь его данью и назначишь править им своего наместника, решать тебе. Я не могу вмешиваться в это.

– Вы слышали ответ младшей ханум? – спросил у послов Модэ.

– Слышали, великий хан Модэ.

– Поужинайте и отдохните. Завтра передадите ответ своему императору, – сказал Модэ китайским посланникам. Затем повернулся к охраннику: – Жасаул! Хорошенько накормите гостей, пусть поспят. Завтра отправишь их в обратный путь.

– Ляпшай, таксыр!

Охранник вывел из юрты троих. Модэ обратился ко всем, кто находился в юрте:

– Судя по тому, что китайский император обратился за помощью к дочери своего давнего соперника и к жене нынешнего своего врага, дела у него обстоят хуже некуда, и он находится в полной растерянности. Что вы думаете по этому поводу?

Шанрык высказал своё мнение, придавая каждому слову вес и значимость:

– Уже прямо сейчас разгромить китайское войско не составит особого труда, ханием. Многие воины, не выдержав двухдневного холода и голода, обморожены, и вряд ли найдутся среди них те, кто сможет хотя бы просто выпустить стрелу из лука. Пехота, возглавляемая Фан Кхуаем, на помощь которой они уповают, отброшена двумя туменами казахов за Длинную крепость. Как уже говорила младшая ханум, если мы уничтожим императора вместе с его войском, то нам надо подумать, что же мы будем делать потом.

– Как что, разрушим их города, разграбим казну, а людей продадим в рабство к персам, – сказал полководец казахов.

– Наверное, на место императора мы посадим кого-то из своих людей, ханием? – спросил у Модэ его младший брат. – Они мои нагаши, я хорошо знаю их язык и письмо, но хочу предупредить заранее, если ты думаешь посадить меня на китайский трон, то я уже сейчас отказываюсь от этого. Мне совсем не интересно править народом, к тому же в такой стране, где на каждом шагу царит изощрённая хитрость, плетутся коварные интриги, я бы не то что править, жить бы не смог.

– А я думаю совсем о другом, – сказал хан Модэ. – Мы ещё с незапамятных времён постоянно воюем с Китаем, то побеждаем, то терпим поражение. И каждая из сторон считает себя сильнее и жаждет господствовать над своими соседями. Я же хочу навсегда прекратить это бесконечное и бессмысленное кровопролитие.

Присутствующие посмотрели на Модэ, не скрывая своего недоумения. Покорять соседей, чтобы они зависели от тебя, облагать их данью и поборами – это же незабываемая традиция, идущая ещё от далёких предков? Любая страна стремилась, стремится и будет стремиться к этому. О чём вдруг заговорил наш хан?

– Я не говорю о дальних странах. У них своих забот хватает. То, что нам нужно – это мир и спокойствие народа. Когда я занял трон, то мечтал о том, чтобы объединить воедино все кочевые народы, и мечта моя осуществилась. Теперь осталась всего одна лишь соседняя страна. Это – Китай. Но мы никогда не

сможем объединиться с этим государством, потому что слишком уж разными сотворил нас и их Владыка небес Тенгри. Даже если мы сейчас убьём императора, уничтожим его войско и захватим его страну, то мы всё равно не сможем править ею. Мы с ними совершенно разные. Теперь остаётся лишь сделать так, чтобы мы никогда не враждовали друг с другом и жили в мире и согласии между собой. А что надо для этого сделать? Есть только один путь – и словом, и делом, и поступками доказать, что мы сильнее их.

– Дат⁶, таксыр, – обратился к нему казах.

– Говори.

– Если мы уничтожим китайское войско и захватим страну, то разве это не станет доказательством нашего превосходства над ними, того, что мы сильнее, ханием? Стоит нам сейчас нанести по ним сокрушительный удар, и они из поколения в поколение будут передавать предание о своём страшном поражении от гуннов.

– Нет, это не так. Нет народа без героя. Даже если они сейчас проиграют нам войну, то завтра у них появится немало батыров, каждый из которых будет жаждать отмщения за своего предка. А что будет, если в этом предании будет поведено о том, какое великодушие оказал по отношению к противнику враг, превосходящий его своей силой? Тогда у последующих потомков по отношению к прежнему врагу пробудится уважение, и этим самым будет положено начало дружбе между этими народами. Однако это должно быть такое небывалое событие, которое бы удивляло и восхищало каждого человека, услышавшего о нём спустя многие годы. Сейчас нам выпала такая возможность, и мы должны воспользоваться ею.

– Выходит, ты хочешь отпустить их, ханием? – изумлённо спросил Шанрык-батыр.

– Да. Но мы не должны выдавать своих истинных намерений до тех пор, пока они не дойдут до самой крайней степени отчаяния и не испытают искреннего раскаяния, чтобы в полной мере осознать, чем чреваты попытки захватить чужую землю, поработить другой народ и лишить его свободы.

– Побеждённые тобой враги не зря назвали тебя выдающимся человеком, ханием! – воскликнул ханзада, не скрывая своего восхищения. – Говорю тебе это не из-за того, что твой младший брат, а потому что только сейчас я понял, что это действительно так.

– Да, много разных историй я слыхивал от умудрённых жизнью старцев, но никогда никто из них не рассказывал о том, чтобы кто-то, плотным кольцом окружив войско своего кровного и грозного врага, потом взял и отпустил его с миром, – поддержал слова ханзады Шанрык-батыр. – Такое благородство и великодушие не забудется и сотни лет спустя.

– Это событие с восхищением будут вспоминать потомки и гуннов, и китайцев, – присоединился к словам ханзады и Шанрыка полководец казахов.

– Вспоминать-то, несомненно, будут, но родится ли когда-нибудь правитель, который бы смог повторить то, что собирается сделать ханием? – задумчиво спросил ханзада. – По словам тибетского мудреца, который постиг все знания на белом свете, всё в этом мире меняется, только не меняется нрав и душа человека. Если это на самом деле так, то Владыка небес Тенгри сотворил прозорливого вождя гуннов, великого хана Модэ, каким-то особенным образом.

– Конечно, так оно и есть! – с одобрением присоединился к его словам казахский полководец.

⁶ Просьба к старшему или к высшему по положению высказаться.

– Ханием! Впервые за все прошедшие века ты объединил все кочевые народы и тем самым поразил весь мир, но этим твоим великодушным поступком будучи продолжателем восхищаться и грядущие поколения, – сказал в заключение Шанрык.

– Многих лет тебе, хан Модэ! – воскликнул от чистого сердца казахский полководец. Все бурно и дружно поддержали его слова.

– Тенгри кут!..

* * *

– Отрубите им головы! – гневно повелел Гао-ди.

Стражники с трудом выволокли из императорского шатра троих послов, возвратившихся от младшей ханум гуннов. Сами при этом едва держались на ногах, не справляясь с отдохнувшими и основательно подкрепившимися в ставке хана Модэ посланниками. Не в силах отвести несчастных подальше от шатра, они поставили их на колени. Один из стражников, вытащив саблю из ножен, почувствовал, что не в состоянии поднять её одной рукой, поэтому схватил клинок обеими руками и рубанул по шее одного из посланников. Кровь, брызнувшая из отрубленной наполовину шеи, забрызгала его с ног до головы, и ему пришлось повторить попытку ещё несколько раз, пока голова обречённого на казнь не отделилась от шеи. Другие палачи провозились над двумя оставшимися послами ещё дольше, кромсая саблями их шеи и безуспешно пытаясь довершить казнь. Солнце давно уже поднялось над головой и теперь медленно клонилось к закату...

Китайское войско сегодня не выстроилось даже в боевые порядки. Забившись в шатрах и тесно прижимаясь друг к другу, воины пытались хоть как-то согреться. Повсюду, то тут, то там, валялись примёрзшие к снегу трупы. Кто-то из живых пытался оттащить за ноги погибших от холода воинов подальше, но сил их едва хватало сделать лишь несколько шагов, и они тут же возвращались к своим шатрам. Внутри лагеря и за его пределами, медленно волоча ноги, плелись в бесплодных попытках найти под снегом хотя бы пучок травы отоцавшие лошадёнки. Три дня без еды, и вдобавок к этому скрипучий мороз: и люди, и животные теряли последние силы... А со всех сторон их плотным кольцом держало гуннское войско.

* * *

Ранним утром один из приближённых долго тормозил императора, пытаясь разбудить его. Гао-ди тоже обессилен и с трудом поднял своё вялое, истощённое тело с постели.

– Император! Император! Окружение снято! Мы спасены!

Гао-ди ничего не мог сообразить, глаза его выражали недоумение:

– Кто снят? Что снято? Что это?

Приближённый спешно одел его.

– Окружение снято! Гунны сняли окружение!

Только сейчас до сознания императора, кажется, дошёл смысл сказанных его приближённым слов.

– Как? Кто снял его?

– Сами! Гунны сняли окружение, император!

– Для чего? Семь дней прошло, как мы попали в окружение, сопротивляться нам бесполезно, так зачем они сняли его?!

– Не знаю, император. Но с самого рассвета полностью открыта восточная сторона.

Один из приближённых чуть ли не тащил на себе пошатывающегося от потери сил императора, другой тянул его собой к выходу. С трудом, уже с по-

мощью стражников, они затащили правителя Поднебесной на коня. Плотной стеной обступившие лагерь китайских войск гунны открыли с востока проход шириной в сто шагов. Как это понимать? Неужели и вправду дочь Длинного Хяня уговорила грозного хана Модэ не истреблять её сородичей? Или же правитель гуннов, чей ум и изощрённая хитрость уже сейчас, несмотря на его молодость, стали легендой, задумал ещё какой-то вероломный ход? Что бы там ни было, но это – последняя возможность. Какая уж теперь разница, от чего умирать: от холода и голода в окружении или от гуннских стрел?

Император воспрял на миг и отдал приказ:

– Поднять войска! Кто может идти, пусть следуют за нами, а кто не может, пусть остаётся здесь.

– Покорно повинуюсь, император.

Едва-едва передвигаясь на ногах, полководцы и начальники ниже рангом стали обходить шатры и будить воинов, дошедших до крайнего истощения и уже теряющих человеческий облик. Когда все выжившие воины собрались за лагерем, солнце было уже высоко. Изрядно поредевшая китайская армия медленно следовала за своим императором. Кто мог ещё держаться в седле, ехали по двое на одном коне, остальные плелись, едва волоча ноги, пешком.

– Приготовьте луки! – крикнул что есть силы Гао-ди. Все воины разом вскинули луки, вытащили стрелы из колчанов и стали прилаживать их к тетиве. У многих кожа на руках заоченела до синевы, не в силах удержать стрелы, они тут же роняли их наземь, некоторые и вовсе не смогли поднять луки наизготовку. Вот наконец они достигли прохода, открытого в живой стене гуннского войска. По одну сторону выстроившихся вдоль прохода воинов верхом на коне восседал хан Модэ. Он встретился взглядом с императором. Гао-ди смотрел на него, растерянно и обречённо вытаращив глаза, а на лице блуждало опасливое выражение: действительно ли их отпускают или же начнут сейчас убивать всех подряд. Модэ смотрел решительным немигающим взглядом. Нет, гунны даже и не помышляли о том, чтобы обнажить сабли и направить на них свои луки. Китайское войско медленно удалилось на восток. Гунны молча проводили их долгим и пристальным взглядом.

* * *

Это событие произошло в 200 году до нашей эры. Восхищённая таким незаурядным великодушием прозорливого царя кочевников и преклонённая перед силой и мощью его войска, Китайская империя признала своё поражение и добровольно обязалась выплачивать ежегодную дань. Обязательство это выполнялось на протяжении полутора веков. Ради единства своего народа, обеспечившего ему безопасность, гениальный хан и полководец Модэ совершил очень тяжкое преступление – убил своего отца. Царствовал он тридцать пять лет, установив с китайским драконом добрососедские отношения, введя новые способы и методы управления государством, и умер спустя двадцать шесть лет после этого памятного события.

2008

*Перевод с казахского
Романа ТОКБЕРГЕНОВА*

Ркаил Зайдулла – народный поэт Республики Татарстан, заслуженный деятель искусств, председатель Союза писателей Республики Татарстан, драматург, публицист, переводчик, журналист, общественный и государственный деятель.

СЛУЖЕНИЕ ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В декабре прошлого года на 90-летие Союза писателей Казахстана в Алматы приезжал председатель СП Татарстана Ркаил Зайдулла. Нам удалось задать ему несколько вопросов и договориться о дальнейшем сотрудничестве.

– Ркаил Рафаилович, у Вас интереснейшая биография. Вы и Председатель Союза писателей Татарстана, и Депутат Государственного Совета Республики. Как Вам удаётся всё совмещать, находить время для творчества? Ведь административные задачи требуют много энергии.

– Всё-таки те административные задачи, которые я выполняю, и даже законотворческая деятельность лежат в поле моих творческих компетенций. Во всяком случае, я отношусь к этой работе как к творчеству, хотя, конечно, это забирает много сил и времени, поэтому я сейчас урывками работаю над произведениями крупной формы. Но я активно участвую в организации литературно-художественного процесса, много работаю для других, для татарской культуры в целом, а это придаёт силы. Собственно, это и есть источник энергии. Ведь, так или иначе, но вся моя жизнь связана с творчеством. Мы в Союзе писателей не занимаемся рутинной, каждый наш подопечный, каждый член Союза – яркая личность, здесь нужен индивидуальный, творческий подход.

– Я знаю, Вы историк-любитель. Более того, глубоко погружаетесь в изучение прошлого, для того чтобы Ваши произведения обрели реальную почву под ногами. Какое Ваше произведение, основанное на исторических событиях, скоро увидит свет? А быть может, оно уже написано?

– Не знаю, как скоро увидят свет два моих романа. Они почти закончены, но нужно время для финальной редакции, а его пока нет. Конечно, вы справедливо заметили, что общественная деятельность отнимает много сил и времени, но оно того стоит. Романы немного подождут. Надеюсь, не очень долго. Первый из них об имаме Кул Шарифе, религиозно-общественном деятеле и защитнике города, погибшем при взятии Казани войсками Ивана Грозного. Это сложный персонаж и сложное время, но именно его судьба, отчасти легендарная, отчасти исторически достоверная, давно влекла меня своей неоднозначностью, монументальностью, масштабом. Главная мечеть столицы Татарстана, что возведена в Кремле, на месте некогда разрушенного храма, носит

сегодня его имя и стала одной из архитектурных жемчужин постсоветской Казани. Поэтому, думаю, читательский интерес к этому роману будет высок. Надеюсь на это. Герой второй книги, хоть и ближе к нам по времени, но менее известен широкой публике. Тут моя задача, помимо сугубо художественной, предать его имя огласке, увековечить память. Я говорю об Ильясе Алкине, человеке сложной судьбы, в которой как в осколке зеркала отразилась история нашего народа и страны первой половины XX века. Дворянин, сын известного юриста и члена Государственной думы Первого созыва Сеид-Гирея Алкина, ученик Вячеслава Молотова, выпускник Петербургского университета, офицер на фронтах Первой мировой, член РСДРП, позже эсер, председатель Всероссийского мусульманского совета Милли Шура, выступал то за большевиков, то против, был арестован Колчаком, потом ВЧК, сидел в Бутырке, после встречи со Сталиным начал преподавать в Коммунистическом университете трудящихся Востока, стал профессором. В 1930 году арестован, приговорён к длительному сроку, но освобождён. Становится одним из виднейших специалистов по экономической географии, всё время подвергается нападкам и гонениям, и, наконец, в 1937 году новый арест и расстрел. Полностью реабилитирован в 1955 году, но наследие его почти полностью забыто. В его судьбе отразились все надежды и чаяния, все сомнения и разочарования татарской интеллигенции в Октябрьской революции... А писать на лёгкие темы, о героях с простой и ясной судьбой у меня как-то не получается. Неинтересно, душа не лежит.

– Сегодня перед всем миром стоит серьёзная проблема. Люди практически перестали читать книги. Наш Президент в своих выступлениях говорит о том, что прежде всего нужно прививать молодёжи любовь к чтению. Как в Татарстане решают эту проблему?

– Так же, как и везде. Хорошо, что руководство республики понимает важность проблемы, поддерживает книгоиздательский процесс, литературную жизнь в целом. В этом смысле мы сильно опережаем большинство регионов России и уж точно все национальные республики. Но только сверху проблему эту не решить. Можно лишь создать условия для её решения. А вообще на эту тему можно делать целое большое интервью, проводить исследования, круглые столы, конференции. К сожалению, весь мир сегодня стоит перед проблемой спада читательского интереса.

– Каково состояние литературы в Татарстане?

– В целом, я бы сказал, более чем удовлетворительно. Слава Богу! Это и государственная поддержка, и наличие пишущей братии, и приход в литературу свежих сил, молодых людей. Жаль, что в глобальном смысле мы мало что можем изменить. Я застал времена совершенно иной популярности литературы – как национальной, так и русскоязычной. Огромные тиражи, встречи с читателями, известность. Сегодня всё это не так, но мы не унываем, стараемся по мере сил менять ситуацию к лучшему. И часто нам это удаётся. Но всё это локальные победы. Сегодня происходит слом каких-то базовых матриц, люди действительно стали меньше читать. Но как я и говорил, это общемировая проблема.

– Может ли Союз писателей помочь, к примеру, в области популяризации книг, о которых широкий читатель не знает?

– Не только может, но и должен. Мы этим активно занимаемся. На 27 марта назначен очередной съезд СП РТ, мы с сотрудниками Союза сейчас активно готовим отчёты, не все цифры пока у меня на руках, но уже сейчас можно сказать – многие показатели читательской активности значительно выросли. Без

ложной скромности скажу – это во многом результат нашей деятельности. Презентации, творческие встречи, вечера литературы, иные мероприятия, коллаборации с представителями смежных видов искусств, привлечение молодёжи. Всё это делается.

– Много ли книг для детей на татарском языке выходит в вашей республике?

– Много. Книги для детей на татарском языке занимают большую часть книгопотока. Причём не только государственные издательства проявляют в этом активность, но и частные. Отличная бумага и печать, замечательные иллюстрации, качество книг для детей сильно выросло за последние годы. Разумеется, здесь очень важен опыт частных издательств, стоящих на коммерческих рельсах. Если бы обществу не была востребована детская литература на татарском, мы бы не стали свидетелями этого бума. Это объективный запрос молодых родителей, мы этот вопрос изучали. А вот куда хуже обстоят дела с литературой для подростков. И детям, приученным родителями к чтению на родном языке, при взрослении приходится переходить на русский язык чтения. Это серьёзный пробел, над которым мы работаем. Но вырастить на подоконнике хорошего подросткового автора, как рассаду, мы не можем. Работаем в этом направлении, однако здесь нужна коренная перестройка сознания писателей. Сегодняшние подростки не похожи на нас в их возрасте, это особый тип сознания, особый менталитет. К ним нужно искать новые подходы, созвучные их запросам. Мы пока движемся по инерции и создаём произведения, рассчитанные в лучшем случае на аудиторию прошлых эпох. Ничего, я думаю, это временно, научимся писать и для подростков и юношества.

– Над чем Вы сейчас работаете?

– Сейчас, поскольку я в первую очередь всё же поэт, а во вторую – связан недостатком времени, много пишу коротких стихотворений в форме «рубай». Это афористические четверостишия на самые разные темы, а вдохновляюсь я творчеством средневековых поэтов-суфиев Центральной Азии и Востока.

– Какие Ваши произведения в последнее время выходили в переводах в других странах?

– Ну, самое значительное издание – сборник рассказов на четырёх языках (татарском, русском, азербайджанском и турецком) вышел недавно в Турции. А так меня довольно много переводят на другие языки, но выходят эти тексты в основном в периодике.

– Гузель Яхину можно считать татарской писательницей? Или здесь ключевую роль играет тот факт, что она пишет на русском языке?

– Для меня, безусловно, Гузель Яхина – русская писательница татарского происхождения. Дело не в том, что она пишет на русском языке. У нас много авторов-татар, пишущих на русском, но которых я без всякого сомнения назову татарскими писателями. Дело в корневой связи с культурой, обычаями, менталитетом, религией и философией нашего народа. В случае с дебютным романом Яхиной «Зулейха открывает глаза» мы имеем дело с культурной апроприацией. В этом тексте множество неточностей и искажений татарского быта и связанной с ним ментальности той поры, но это полбеды. Беда же в том, что главная мысль романа, как я её вижу, мне категорически не близка – чтобы выжить, татарин должен обрусеть. Мне так не кажется. Мы не имеем права утратить собственную идентичность. Красота и богатство мировой культуры в её разнообразии. Мы не лучше и не хуже кого-то, мы другие, такие, какими сложились за более чем тысячелетнюю историю, а Яхина пишет не про реальных татар, а про каких-то своих, выдуманных.

– Кстати, в Татарстане выходят литературные журналы на русском языке?

– В Татарстане выходит множество литературных и литературно-художественных журналов на русском языке, из которых мне бы хотелось особо выделить «Идель», «Казань» и «Казанский альманах».

– Существует ли государственная поддержка для Союза писателей Татарстана? Если да, то в чем она выражается?

– Существует. Выражается она в регулярных субсидиях, грантовой поддержке, выделении финансирования по случаю конкретных мероприятий. Министерство культуры нам сильно помогает материально. Прежде всего, конечно, для нас важно заботиться о пожилых членах Союза, тех, кто в силу возраста уже не может зарабатывать на жизнь писательским трудом. Молодёжь поддерживаем. Ну и, конечно, есть статусные члены Союза, люди, чей авторитет бесспорен. Государство помогает с проведением их творческих и юбилейных вечеров. Вообще, мы стараемся помочь всем нуждающимся, и руководство нас в этом поддерживает.

– Расскажите о своих планах на будущее.

– Говорят, хочешь рассмешить Всевышнего, поведай о своих планах. Ну какие планы? Если сообщество писателей окажет мне доверие и переизберёт председателем Союза, будет продолжена и усилена работа по развитию и продвижению татарской литературы, по переводам, поддержке писателей. Нет – сосредоточусь на своих романах. А если всерьёз говорить о творчестве, то в нём важен момент спонтанности, озарения, порыва, вдохновения. Видит Бог, не знаю и не понимаю, как всё это можно спланировать. Наверно кто-то и может, но у меня другой характер и темперамент. По счастью, музы не оставляют меня надолго в одиночестве. А в остальном, как и всегда, – продолжу своё служение во благо тюрко-татарской литературы!

После встречи Ркаил Зайдулла презентовал нашему журналу свою книгу и предоставил несколько рассказов для публикации. С одним из них читатели могут ознакомиться в этом номере.

*Интервью подготовила заведующая
отделом культуры Наталья ГОРЯЧЕВА*

Ркаил ЗАЙДУЛЛА

МЕЧ ТЕНГРИ

1

Аттила прекрасно понимал, чего добивались прибывшие накануне римские послы. Они старались протянуть время, усыпить и расслабить его своими льстивыми речами. Ухватив ладонью седеющую редкую бороду, он усмехнулся. Они думают, что я поверю их лживым словам и попаду в их хитроумную ловушку. Но Аттила всегда чувствует, когда слова и жесты римлян скрывают за собой коварство, – он воспитывался во дворце императора и провёл там детство. А между тем, всё очень просто: Аэций ещё не собрал армию, и к нему со всех уголков Римской империи стекаются легионы. Когда Аттила вспомнил Аэция, в его синих глазах вспыхнули угрожающие огоньки. Этот римский аристократ вырос в его орде, а потому он наперёд знает, о чём думают и чего хотят гунны... А ведь Аттила относился к нему как к родному брату и верил ему. Не в коня корм!

Он медленно пошёл к выходу из своего дворца. Стоявшие у дверей стражники почтительно расступились. Все они были сыновьями знатных биев, эльтеберов, тарханов. Рослые, украшенные золотом, вплоть до рукояток сабель, в одежде, расшитой серебряными пластинками, – рядом с ними великий царь гуннов будто стал ещё ниже ростом, незаметнее, однако решительная, широкая поступь, крепкие плечи, покрытые шерстяным плащом, откиннутая назад большая голова напоминали всем, кто здесь хозяин, вызывая у окружающих уважение и чувство опасения.

Выйдя через узорчатые ворота, Аттила зашагал в степь. К нему присоединился безмолвный, как тень, Корум-би. Стена, окружавшая поселение, была воздвигнута не для защиты от врагов, а ради её собственной красоты и, конечно же, чтобы показать величие предводителя гуннов. От кого прятаться Аттиле, кого бояться, ведь он сам держит весь мир на ладони!

Степной воздух наполнил грудь. Мягкие кожаные сапоги Аттилы касались серебристых веточек полыни, и степь звенела от её горько-сладкого запаха. Воздух был словно натянутый лук, в звонком ясном небе сияло солнце, похожее на золотой щит, лишь вдали, на горизонте, будто грива коня, трепетало то ли марево, то ли заблудившееся облако.

Неожиданно Аттила упал на колени и поднял лицо к небу. Сухие губы зашептали слова молитвы. Но Тенгри не подавал никакого знака, и тело Аттилы не пронзил, как прежде, свет, льющийся с небес. Он тяжело поднялся, повернулся к Корум-би. Аттила знал, что римские послы привезли ему в дар много золота и серебра, византийские ткани, украшенное драгоценностями оружие, деньги. Человек – слабое существо, сиюминутное богатство застилает ему вечность. Аттила понимал и умел прощать эту человеческую слабость.

Однако римляне хотят переломить хребет коню, на котором он сидит, разрушить то, что он создавал с таким трудом. Поэтому он должен выпустить стрелу прежде, чем враг поднимет меч. Не опускай оружия, бей в цель! Не зря же предки считали это правило самым главным принципом жизни.

– Великий царь! – осторожно начал Корум-би. – Я догадываюсь, какие мысли бередят твою душу. Римские послы правы: нам нужно жить в согласии. Мечом можно завоевать мир, но не управлять им. Если мы будем жить в мире и дружбе, солнце твоего народа никогда не закатится.

Аттила постарался скрыть своё раздражение.

– В мире ничто не вечно, – проговорил он сквозь зубы. – Даже солнце вечером заходит. А солнце будущего года – не сегодняшнее солнце...

Корум понял, что Аттила не хочет разговаривать о римлянах, и не стал продолжать.

– Римляне хотят усадить нас на свою телегу, – Аттила подошёл к воротам. – На их телегу сядешь – их песню запоёшь. – От взгляда Аттилы Коруму стало не по себе. – Но зря стараются. Мы сами засунем их в наши седельные сумы.

– Воевать с нами – дело для них непосильное, – поддакнул Корум.

– Моё войско завтра же может двинуться на Рим. Но... – Аттила умолк, словно заколебавшись. – Скажи жрецам, пусть зарежут барана, вечером я к ним приду. Всё в руках Тенгри...

Корум-би повернул к жилищу жрецов. Немного погодя двое всадников поскакали в степь, – им было велено выбрать в стаде самого жирного чёрного барана.

Когда сумерки, словно тень скачущего по степи серого коня, коснулись глаз Аттилы, он вошёл к жрецам. В центре помещения горел очаг, вокруг которого сидели семь человек; по всему дому плыл щекочущий ноздри запах варёного мяса. Старший жрец с седыми волосами, заплетёнными в косы, взял в руки баранью лопатку. По чуть заметным чёрточкам на кости он умел предсказывать будущее, лишь ему была дарована власть соединять линии на лопатке с дорогами жизни.

– Собираюсь войной на Рим, будет ли поход удачным? – Аттила осторожно присел у огня.

Жрец начал пальцами ощупывать лопатку, что-то бормотать себе под нос, нашёптывать, поворачиваясь из стороны в сторону.

Терпение Аттилы стало иссякать. В это время кто-то поставил перед ним чашу с горячей шурпой. Аттила немного успокоился, но глаз от жреца не отрывал.

– О великий царь, – выговорил наконец старик. – Тенгри почему-то сердится, говорит, что война будет неудачной, и велит приостановить приготовления.

Аттила резко встал и, ничего не говоря, вышел на воздух. Ему вдруг показалось, что у него в груди застрял тяжёлый камень, и от этого его начало мутить.

А жрец в это время продолжал что-то бормотать у огня. Но не пламя грело его, а лежащий за пазухой кожаный мешочек, переданный ему Корумом, и римские монеты, которые переваливались в нём, сладко тешили душу...

Выйдя от жрецов, Аттила направился в дом своей жены Караки. Построенный в форме восьмигранника, дом изнутри, при свете свечей, казался совершенно круглым.

По войлочным коврам Аттила прошёл вглубь. Там на мягком ложе расположилась его любимая жена Карака. Воздух в доме был пропитан запахом краски, – видимо, служанки целый день красили шали. Почему-то его женщины очень любят укутывать плечи большими шальями с кистями.

Поверх белого платья с оборками Карака надела темно-синий камзол, в блестящие косы вплела серебряные накосники; в колышущемся свете свечи золотые ожерелья, серьги, браслеты и кольца будто вспыхивали огнём.

Загадочно улыбаясь, Карака протянула руки к мужу, но её бьющая через край нега сегодня не возбуждала царя, и сердце его не гнало кровь, разрывая

сосуды... А ведь в прежние ночи от этой женщины он становился безумным, как молодой скакун, и кровь его, не помещаясь в теле, вырывалась через ноздри!

Аттила прилёг, опершись на шёлковую подушку. Карака, поднявшись, сняла с него сапоги. Одна из служанок принесла серебряный таз с тёплой водой. Почувствовав на ногах прикосновение мягких рук жены, Аттила блаженно закрыл глаза.

– Тучи омрачают твою душу, – произнесла женщина.

– Устал... – Только с ней он мог быть откровенным. Ведь ему, Сыну Солнца, должны быть чужды усталость и бессилие, у него всегда должны быть крепкие руки, здоровое тело и острый глаз!

– А мне римские послы преподнесли подарки, – женщина достала из-под ложа золотые и серебряные сосуды, а затем выдернула откуда-то лёгкую, будто белое облако, воздушную ткань и обернула её вокруг талии.

Чтобы угодить жене, Аттила похвалил подарки, а про себя подумал: «Одно только римское щегольство уже способно погубить нас».

Он разделся и бросил одежду на пол. Широкие штаны, как белая дорога, легли по направлению к западу...

Утром он проснулся от какого-то шума. Вымыв лицо и голову из поднесённого рабыней кувшина, он вытерся мохнатым полотенцем, затем вышел наружу и, встав на колени, поприветствовал Солнце. Кругом царило безмолвие – когда Сын Солнца общался с Солнцем, рты остальных должны были быть на замке.

Когда молитва закончилась, перед Аттилой преклонил колени начальник передового отряда Ильбакты.

– Великий царь! – обратился он к нему. – Пусть Тенгри придаст тебе сил и уничтожит твоих врагов. Да будут стремена твои крепки, путь ясен, а меч никогда не заржавеет.

Аттила любил обезображенное многочисленными шрамами лицо Ильбакты. Единственный глаз воина выражал бесконечную преданность своему повелителю, но Аттила увидел там и искорку какой-то тайны, хитрости. Царь опустил руку на плечо Ильбакты:

– Ладно, встань. Говори.

– На рассвете в орду пришёл пастух, он хочет что-то сказать тебе.

– Где он?

Стоявшая неподалёку кучка людей разломилась пополам, из середины вышел худенький подросток. Аттила увидел в его руках меч. Хотя меч не был украшен драгоценными камнями, но он был явно непростой, его сталь была похожа на дамасскую.

Пастух бросился на колени и, сунув шапку под мышку, начал торопливо рассказывать:

– ...Смотрю, один телёнок захромал... Из-под копыта кровь сочится. Я из любопытства пошёл по кровавому следу, через какое-то время нашёл этот меч, – обеими руками мальчик осторожно протянул меч Аттиле, шапка его упала в пыль.

– Меч Тенгри! – крикнул Ильбакты. К нему присоединились остальные.

– Меч Тенгри! – этот клич будто доносился с небес от самого Тенгри.

Аттила преклонил колени и обеими руками взял меч.

– Тенгри послал мне меч, – начал он взволнованно, но вскоре в его голосе зазвенела сталь: – Никакой враг не страшен этому мечу, он принесёт нам победу.

Вдруг откуда-то появился жрец, он ударил в бубен, звякнули маленькие колокольчики на его одежде.

– Меч Тенгри не случайно послан Аттиле, – воскликнул он слабым голосом. – Конец римлянам, теперь римлянам конец!

Выбегающие из домов люди присоединились к общему восторженному крику. Все упали на колени, восхищаясь могуществом Тенгри и воздавая ему хвалу за явленное чудо.

Аттила, удовлетворённо улыбаясь, посмотрел на Ильбакты. Единственный глаз воина светился торжеством.

В степи, где был найден меч Тенгри, вспыхнули тысячи огней, закипело мясо в котлах, послышалось фыркание боевых коней.

2

Когда спустились сумерки, в дом, где остановились римские послы, пришёл жрец. Сложив на груди руки, он сначала поприветствовал духа домашнего очага и лишь потом – послов.

– Аттила зовёт вас к себе на ужин, – сказал он. – Я провожу вас.

Старший посол, римский патриций Ромул, безбородый и безусый мужчина с лысиной на макушке, начал торопливо одеваться.

– Не спешите, – усмехнулся жрец. – Мы умеем ждать.

Вполголоса о чём-то переговариваясь на своём языке, послы зашагали к сверкающему дворцу Аттилы. По обеим сторонам дороги, освещая её смоляными факелами, стояли рабы.

Зайдя во дворец, послы поприветствовали присутствующих в зале, коснувшись руками сначала лба, потом груди. В глубине зала, на возвышении, подогнув ноги, сидел Аттила. Справа от него, скромно потупив взор, расположился его старший сын Эллах. Рядом с ним полулежал, опершись о подушку, второй сын Аттилы – Дингиз. Послы знали, что степные кочевники любили этого юношу, называя его «совёнком», то есть мудрым. Чуть поодаль, подогнув ноги, сидел младший сын Аттилы, – Ирнек.

Жестом Аттила указал послам место по левую руку от себя. Лишь самые знатные гости удостоивались такой чести.

Когда все расселись, позади каждого гостя появились по одному виночерпию и бавырчи¹. Рабы внесли в больших кожаных мешках конину и баранину. В мгновение ока бавырчи разрезали мясо и, разложив его на серебряных блюдах, расставили перед гостями, а виночерпии наполнили золотые кубки медовухой.

Однако к еде никто не притрагивался, все смотрели на Аттилу. Бавырчи поставил перед ним деревянную миску с мясом, виночерпий нацедил в деревянную чарку медовуху. Аттила поднял чарку, посмотрел на своего сына Эллаха. Тот немедленно поднялся.

– Сын мой! – начал Аттила. – Ползущая по степи ящерица видит перед собой не более пяди земли, орёл, распростёрший крылья над равниной, способен охватить взором всё пространство до горизонта. Коварство, царящее на земле, не скроется от этого взгляда... – он будто задумался, – ... если только не забьётся в сурочью нору. Значит, там ему и место – в царстве тьмы... В царстве света ему нет места. Сын мой Эллах! Да будут широки и сильны твои крылья в небе над степью! Никогда не забывай, кто ты есть и какого народа ты сын. У тебя есть имя, у тебя есть твой народ! Пеший конному не товарищ!

¹ Бавырчи – подавальщик мяса.

Аттила пригубил из чарки, толстыми пальцами отправил в рот мясо. Эллах, словно путник после долгого путешествия, жадно приник губами к кубку с медовухой. Другие тоже подняли кубки.

Пиршество всё более разгоралось. Лились дождём цветистые, пышные слова. Лишь Аттила молчал, изредка касаясь губами края чарки и откусывая мясо. Он был героем на поле брани, а не за столом. Но ни одно неловкое слово, ни один косой взгляд и жест не оставались без его внимания. Он хорошо знал, что обильные возлияния развязывают языки, открывают настежь души. А перед походом совсем не лишне узнать, кто о чём думает.

Аттила взглянул на Ильбакты. Единственный его глаз был прикрыт, а губы беззвучно шевелились.

– Ильбакты!

Все замерли. Воин, вздрогнув, вскочил с места.

– Не споёшь ли?..

Виночерпий поднёс Ильбакты серебряный кубок... Певец откашлялся и протяжно запел:

В степя-а-ах весной жеребята резвятся,

В шатре-э-э молодая девушка спит...

Изумлённые послы не отрываясь смотрели на обезображенное шрамом лицо одноглазого воина. О нет, в эти мгновения его уродство исчезло, было забыто. О Тенгри, неужели бывает на свете такой голос? Песня унесла куда-то далеко-далеко, бескрайний степной воздух ворвался в зал, предрассветный ветер зашевелил ковыль, с небес на землю полилась пронзительная мелодия жаворонка, где-то послышалось фырканье коней, протарахтела крытая повозка, пискнул младенец, замигало под звёздами одинокое пламя костра...

В степя-а-ах...

Ильбакты смолк. Но древняя песня продолжала звучать, её подхватил сидящий рядом с воином человек.

Ромул устал. Эта не имеющая конца протяжная песня бредила душу и необъяснимым образом волновала его. Будто в полночь, подняв морду к луне, воет степной волк. «У каждого народа свой напев, – подумал посол. – А им, наверно, покажутся смешными наши песни». Какая-то печаль слышалась в песнях этих варваров. «Печаль – удел рабов, – Ромул улыбнулся этому своему открытию, – а римляне – хозяева мира, победители, значит, должны быть радостны. Поэтому самая подходящая музыка для нас – марш, гимн...»

Его мысли были прерваны голосом Аттилы:

– Позвать Шамакаю!

В дверь вошёл человек придурковатого вида. Он был без штанов (римлянин отметил для себя, что это не свойственно варварам), но его голое тело было обмотано длинным куском ткани. Увидев вошедшего, гунны покатались со смеху. Когда шум немного утих, Шамакай откинул голову назад и поднял вверх правую руку:

– Я был у жреца, – сказал он. – Жрец предсказал мою судьбу по лопатке черного барана. Скоро я стану императором Рима!

За столом снова послышался смех.

– Вы удивлены, что я без штанов? Но ведь римляне не носят штанов, тем более что так легче спастись от Аттилы – когда бежишь, не будут спадать штаны.

Пирующие, задыхаясь от смеха, повалились на пол. Лица послов словно окаменели. Они сидели неподвижно, уставившись в одну точку.

– Корум-би назначаю консулом. Снимай штаны, Корум!

У Корум-би, смеявшегося вместе со всеми, от неожиданности открылся рот и округлились глаза, рука невольно потянулась к рукоятке меча. Но на полоумного было грех обижаться или сердиться.

– ...А пока не освобожден римский престол, я попасу коров, – заключил Шамакай. – Может, и мне Тенгри пошлёт какой-нибудь меч.

А это уже был намёк на самого Аттилу. Но царь с удовольствием рассмеялся: видимо, у варваров не считалось зазорным уколоть самого владыку мира.

Прервав шумное веселье, Аттила обратился к послам:

– Ну, Ромул, – после долгого смеха щеки Аттилы порозовели, голос слегка охрип. – Как чувствует себя император? Не донимают ли болезни, хватает ли у него сил на наложниц?

Посол, конечно, почувствовал в словах варвара еле уловимую издёвку, но постарался скрыть свою ярость:

– О, Аттила! Разве боги болеют? Он сам властвует над всеми болезнями. Если он прогневаётся на нас, его рабов, то может послать на нас всяческие кары или, если нужно, ангела смерти. Наша судьба – в его руках. Если Бог – на небе, то на земле – Император! И тебе, своему скифскому вассалу, он передаёт через нас своё доброе слово и благосклонный взгляд.

Лицо Аттилы потемнело, по щекам заходили желваки, но он промолчал.

– Разве вассалу платят дань? – удивлённо спросил Ильбакты.

– Бог один – Тенгри. И сравнивать с ним смертного человека нельзя, – вмешался в разговор Дингиз. – Император – такой же обыкновенный человек, как какой-нибудь наш бедный табунщик, раб божий. Он ест, спит, справляет нужду, любит женщин, болеет, стареет и, наконец, умирает, или его убивают. А через сто лет никто и не вспомнит о нем. Тенгри – вечен, Он – создатель земли и жизни, и именно Он ставит точку в нашей жизни.

Послу не понравилось сравнение императора с табунщиком-варваром. Он хотел было ответить и поставить дерзкого юношу на место, но, подумав, сдержался. Конечно, они не поднимут руку на послов, у варваров даже есть поговорка: «Посла не предадут смерти». Но у этих же варваров говорят: «Если ты гость, будь скромнее». Поэтому Ромул решил не спорить с Дингизом.

– Император собирается и дальше жить с вами в мире, общаясь и торгуя, – начал Ромул. – Император велел нам купить у вас тысячу голов лошадей.

– Лошадей у нас много... – Корум-би, забывшись, вмешался в разговор, но тут же осёкся под гневным взглядом Аттилы.

– Мы не торгуем лошадьми, – жёстко промолвил Аттила. – Жизнь для тюрка – это его конь. Они – единое целое. Если подрезать орлу крылья, он превратится в жалкого ползучего гада. Кони – наши крылья...

– Но мы дадим вам взамен много золота и серебра, дорогих тканей, вина и рабынь, которые откроют вам двери в рай. Кто же отказывается от такого богатства?

– Знаешь ли ты, что для нас самое большое богатство? – И Аттила начал перечислять, загибая пальцы: – Скакать верхом, есть конину, привести в дом жену. А все эти побрякушки – мусор.

– Это так... – согласился Ромул, – наверно, золото не самая главная вещь на свете. Но весь мир знает, как любят наряжаться ваши женщины. Как мужчине завоевать сердце женщины? Надо подарить ей кольца, браслеты, серьги, ожерелья. Так золотой бес проникает в сердце мужчины. Согласись, что золото добыть легче торговлей, чем войной. Рано или поздно вы тоже начнёте жить по римским законам.

– Как Рим завоевал полмира? Войной, только войной, дорогой Ромул! Вы грабите народы и тащите все их богатства в Рим, а их самих превращаете в рабов и ис-

пользуете для того, чтобы строить дворцы вашим патрициям. Если вместо Тенгри мы станем молиться золоту, то скоро тоже растворимся в бездонном римском море. А пока передайте вашему императору мои слова: «Иду на тебя!» – Аттила встал.

...Когда послы уже были в дверях, Ильбакты шепнул на ухо Ромулу:

– Ожерелья наших жён пока греются на груди ваших женщин.

3

Солнце поднялось уже на высоту оглобли, а Аттила всё не отдавал приказа трубить в походные рожки. Он ещё раз окинул взглядом растянувшееся до горизонта войско. Коня приплясывали на месте, шумно фыркали, покусывая удила, а всадники то и дело нервно постукивали пальцами по рукояткам мечей. Виноградные кусты, ещё только вчера шептавшиеся с нежными ветрами, шелестящие хлеба Каталаунской равнины, – всё это было сегодня сломано, раздавлено и перемешано с черной землёй. Далеко на западе выстроились римские легионы, видно было, как вдоль рядов бегают центурионы. Легаты в панцирях, на груди которых сверкали золотые пластины с отчеканенной головой льва, и в шлемах, украшенных орлиными перьями, застыли, как балбалы². Они ждали, когда варвары начнут атаку.

Аттилу, как никогда, мучили сомнения. Он колебался. Аттила знал, что сегодня решается не только его судьба, но и судьба его империи. Не потому ли какая-то сила будто удерживала его, связывала ему руки. А огненное колесо всё катилось к вершине небосвода...

Рысью подъехал Ильбакты:

– Если тетива натянута, стрелу надо выпустить, Аттила! – сказал он. – Иначе можем сорвать начало.

Аттила промолчал.

– Хорошо ли мы поступили, поставив в голове войска Ардариха? Этим готам совсем нет веры, – продолжил Ильбакты.

– Если это входит в их намерения, пусть сразу переходят на сторону врага, иначе потом, если вздумают предать, переломают нам все ряды.

– Что-то не видно готов Аэция, похоже, он поставил их в засаду...

– Он хочет ударить с правого фланга, – усмехнулся Аттила.

– Но ещё раньше их возьмут в клещи утригуры и кутригуры.

Эти булгарские племена были гордостью Аттилы. Их военачальниками он назначил своих сыновей – Дингиза и Ирнека.

Настроение царя улучшилось. Откинувшись в седле, он посмотрел в небо и что-то прошептал.

– Ор-ра! – крикнул он, хлестнул коня плетью и как молния понёсся вдоль строя воинов.

Яростные возгласы вырвались из тысяч глоток:

– Ор-ра!

Аттила выхватил из ножен меч Тенгри.

– Воины! Осторожность – признак трусости. Победителем бывает тот, кто нападает на врага первым. Бегство – хуже смерти! Мечь всегда придаёт силы. Пусть души воспарят, а кровь закипит! Смелого стрела не возьмёт. Тот, кто в бою не рядом с Аттилой, уже мёртв. Вперёд!

Первыми на римлян бросились готы Ардариха – маркоманы, квады, гепиды. Казалось, этот поток ничем не остановить. Готы, хотя и не любили гуннов, но римлян ненавидели ещё больше.

Но когда уже казалось, что первые ряды римлян уничтожены, поток словно споткнулся, и началась неразбериха. Римские воины подняли над головами по-

² Балбал – ритуальный камень, антропоморфное изваяние.

золоченные щиты, солнечные лучи, отражаясь в них, брызнули огнём в глаза наступающих всадников и их коней. И яростный вихрь, обессилев, ударился о железные когорты неуверенно и запоздало.

Аэций не зря выбрал для боя с Аттилой Каталунскую равнину, где было довольно трудно развернуться конному войску. И Аттила это понимал.

«Но как бы ни хитрила римская лисица, она всё равно будет раздавлена копытами наших коней, – подумал великий царь. – Тенгри защищает нас, ведь у меня в руках – его меч».

Ни одна из сторон не думала отступить. Аэций выставил против гуннов тринадцать легионов, и ещё четыре легиона стояли наготове и в любую минуту могли вступить в бой. Гуннские всадники вихрем налетели на легионеров, но те будто вросли в землю, ни на шаг не отступая перед этой грозной силой.

Сверкали короткие римские мечи, и кони с распоротым брюхом падали на мокрую, пропитанную кровью землю, а уцелевшие всадники, подняв над головой кривые мечи, бросались на горло легионерам. На левом фланге бились угры, на правом – акациры, они теснили готов Аэция, действуя, как кочевники, – стреляли из луков и бросали арканы, не приближаясь к врагу.

Когда поле окутала тьма, бой закончился. Оставшиеся в живых воины Аттилы вернулись в орду. Где-то в ночи слышались стоны тяжелораненых.

Аттила вошёл в свой шатёр совершенно измождённый. На ложе, свернувшись калачиком, спала девушка-рабыня. Он не стал её будить, присел, облокотившись о подушку, и погрузился в тягостные мысли.

Куда только не забрасывает человека воля Тенгри... Совсем недалеко отсюда – город Паризия³, а если повернуть на юг, то будет рукой подать и до Вечного Рима. Надо разбить Аэция и повернуть поводья в ту сторону. Там золото, серебро, шелка, прекрасные наложницы...

Аттила усмехнулся про себя. Он вспомнил письмо Гонории – сестры римского императора Валентиниана. «Славный царь Аттила, – писала она, – я всё время вспоминаю тебя. Когда ты воспитывался в императорском дворце, мы часто встречались. Я была ещё маленькой, а ты был уже юношей. Теперь ты стал владыкой мира. Весь Рим говорит только об Аттиле. Вот что сказал нам побывавший у тебя посол Ромул: “Никто, кроме Аттилы, из царствовавших в Скифии или в других государствах, не смог выполнить таких великих задач за такой короткий срок. Его владения простираются до островов Великого океана. Не только скифов, но и римлян он заставляет платить ему дань. Ни один народ не может противостоять ему”. Вот как говорят о тебе знатные патриции! О том, что Рим платит тебе дань, мы знаем и без него. Римляне выполняют любое твоё требование. Поэтому попроси меня себе в жёны! Меня сватают за одного из патрициев. Но я должна быть женой владыки мира! В доказательство сказанному я посылаю тебе своё обручальное кольцо. Гонория».

Аттила, конечно же, попросит её в жёны. Женившись на сестре императора, он в законном порядке будет добиваться римского престола. Валентиниан слаб и болезнен. Его жребий – устраивать во дворце петушиные бои и влюбляться в мальчиков. А большие дела делаются мечом. Император Скифии и Рима! Цезарь! Патриции, считающие себя божьими избранниками, стоят от досады. Они забыли, что их далёкие предки тоже были рабами. Где сейчас истинные римляне? Они давно и бесследно растворились среди пёстрого люда, стекавшегося в Вечный Город со всех завоёванных территорий. Праправнук вандала, заворачивавшегося в медвежьей шкуры, возомнил себя истинным римлянином, ощущая себя выше других.

³ Паризия – современный Париж.

Перед богом все равны, каждый живёт, приспособиваясь к законам Матери-земли. Народу Аттилы не нужно строить в степи каменные дворцы. Его владения простираются от моря до моря. Гунн начинается в одном месте, в другом – рождается, находит успокоение в третьем месте. И никакая сила на свете не сможет остановить это движение. Римляне дрожат за свою землю величиной с ладонь и всё награбленное тащат туда. Для них место, где они родились, – самое дорогое на свете. Римляне именно его считают своей родиной. А между тем, до них здесь побывали тысячи людей. И каждый из них считал, что эта земля – его. Но не земля принадлежит нам, а мы – земле. И она по одному забирает нас к себе.

Аттиле принадлежит весь мир. Та земля, где топтит копыто его коня, – божья, а все люди должны подчиняться сыну бога. Аттила никого не обижает понапрасну. Однажды один из римских послов уговаривал отпущенного Аттилой на волю раба-римлянина вернуться на родину. Ответ раба тут же довели до Аттилы: «Нет, – сказал раб. – Если будет война, я с Аттилой пойду на войну и, если не погибну, вернусь с трофеями, потому что Аттила никогда не проигрывает, а Рим терпит поражение за поражением. В Риме над тобой семьдесят начальников, и каждый норовит тебя обидеть, обобрать до последнего, требует подношений. И некому пожаловаться! А здесь меня никто не посмеет обидеть, здесь один властитель – Аттила! Если кто-нибудь заденет меня, я упаду к ногам Аттилы, и он нас рассудит».

Да, государство Аттилы славное, и основание дома крепкое. Но если однажды он уйдёт в мир иной, останется ли его государство единым и сильным? Разве не чувствует он скрытое противостояние родов? И разве мало тех, кто держит камень за пазухой? Подозрительные взгляды, которыми обменивались сыновья, также не оставались незамеченными отцом. После Аттилы престол по закону должен перейти к его старшему сыну Эллаху. Но подчинится ли ему гордый и умный Дингиз? А третий сын, Ирнек, на чью сторону встанет он? Аттила старался уже не вспоминать об остальных семидесяти сыновьях, рождённых от рабынь и наложниц. Но царский казан-то – один. Он, как символ благополучия, стоит посреди шатра. Две бараньи головы в него не поместятся. Именно потому и опустился меч Тенгри на шею старшего брата Аттилы – Бледы. Когда речь идёт о царском престоле, родственные узы забываются. А впрочем, какие могут быть родственники у сына бога? Меч Тенгри – один...

Внезапно в шатёр просунул голову стражник, стоявший снаружи у входа. Через образовавшуюся щель внутрь просочился скупой белёсый свет. Светало. Аттила потёр красные от недосыпания глаза.

– Ильбакты хочет тебя видеть, – сказал стражник.

Тут же в дверях показался старый воин.

– Аэций увёл войско! – Он даже забыл поприветствовать царя и пожелать ему здоровья. Вообще-то и сам Аттила во время войны не обращал внимания на исполнение ритуалов и даже молился короче, чем всегда.

Царь улынулся:

– Аэций хочет обойти нас, перекрыть дорогу назад...

Ильбакты удивлённо посмотрел на него:

– Ты уже знаешь об этом, великий царь?

– Кто может спрятаться от взора Тенгри, кто сможет убежать от меча Тенгри?

Ильбакты бросился на колени и уткнулся головой в пол:

– Это правда, это правда, – повторял он. – Но там одна дорога, а вокруг – леса и болота. Мы не сможем пройти через эти легионы.

Аттила лениво привстал, хитровато подмигнул Ильбакты:

– А мы и не собираемся продираться сквозь них. Мы теперь двинемся на юг, в Италию. В Рим, в Рим, Ильбакты, волка надо убить в его логове.

Протрубили боевые трубы. Бескрайнее конное войско двинулось вперёд. На этой дороге у римлян уже не было войска, способного остановить их. Узнав о приближении варваров, народ попрятался в лесах и горах, позади армии Аттилы оставались брошенные селения, потоптанные поля и виноградники. Небольшие гарнизоны, охраняемые римскими когортами, были разбиты и сожжены. Готы Ардариха, как огненный смерч, уже ворвались в Северную Италию. Всадники, будто вросшие в спины низкорослых, мохнатых коней, повергали в ужас даже беспризорных собак и кошек, оглашавших окрестности отчаянным лаем и воплями. Кони мчались всё дальше, и всё вокруг окутывалось пылью, поднятой их копытами. Где-то пронзительно и жалобно кричали птицы, будто и они хотели спрятаться подальше от этого кошмара.

К вечеру войско вышло на равнину Амбулей и разбило там лагерь. В середине установили большой белый шатёр Аттилы, рядом расположились его сыновья – Эллах, Дингиз, Ирнек. Шатёр Ильбакты тоже был недалеко. Как по мановению руки, возник большой город из шатров.

В висящих над кострами котлах варилось мясо, и его запах уже успел распространиться по всей равнине.

Вышедший из шатра Аттила увидел, как слуги спускают с повозки бурдюк, наполненный кумысом. Бурдюк был настолько тяжёл, что пять-шесть человек с трудом опустили его на землю.

Облака на небосклоне будто кровоточили, они были похожи на куски свежего мяса.

Великий царь постоял в одиночестве, затем сделал едва заметное движение. К нему тотчас подошли Ильбакты и жрец, а затем и любимые сыновья. Ильбакты, увидев, что владыка мира смотрит на горизонт, удовлетворённо кашлянул:

– Завтра такое же зарево встанет над Римом.

– Нет, – сказал Аттила, – Мы не будем разрушать город. Чтобы откупиться от нас, римляне предложат бесчисленное количество золота и серебра, дорогих шелков, рабов и наложниц. К тому же я потребую сестру императора себе в жёны. Раз так, зачем разрушать свой город?..

Дингиз удивлённо посмотрел на отца. Аттила уже примеряет корону Римской империи! А между тем отец ненавидит римский образ жизни и старается не смешивать свой род с ними. Гунн, предавший степь, – уже не гунн. Посмотреть хотя бы на тех соплеменников, которые когда-то покинули орду. Они так и не смогли стать римлянами, а их дети, праправнуки теперь даже и не знают, что их предки были степными воинами. А если и знают, то стараются не вспоминать – кому же хочется быть потомком «варвара»?

– Пусть выдадут изменников, – предложил Дингиз.

– Их всех ждёт смерть от меча, – Аттила нахмурился, – другим урок.

Перед самым началом похода Корум-би тайно бежал в Рим. Аттилу это разгневало и в то же время очень расстроило. Корум был его правой рукой. Почему он перешёл на сторону врага? Позарился на блестящие побрякушки? Но у него и здесь их было предостаточно. А теперь, как бы он ни расстилался перед римлянами, для них он навсегда останется «грязным варваром». Впрочем, завтра же римляне вернут его – заблудшую овцу – прежнему хозяину. А предателей Аттила никогда не прощал.

Проснувшись рано поутру, великий царь вышел из шатра и помолился, по обыкновению, Тенгри. Поодаль его терпеливо ждали слуги. Аттила высказал Тенгри всё, что накопилось в душе, попросил у него милости и помощи. Когда молитва закончилась, к Аттиле приблизился Ильбакты:

– Прибыли римляне. Во главе их – сам папа Леон, их главный жрец.

О том, что римский папа будет просить мира, Аттила уже знал по донесениям своих разведчиков.

– Коня! – приказал царь.

К нему подвели белого коня, затем опоясали Аттилу мечом Тенгри. Царь вскочил в седло, остальные последовали его примеру. Уздечки и поводья коней были богато украшены золотом и серебром, но сами всадники были одеты просто. Аттила не любил украшений, но не осуждал страсть своих приближенных к побрякушкам. Этой их слабостью он даже частенько пользовался, дарил им вещи, инкрустированные драгоценными камнями, наблюдая, как от этого меняется настроение людей, и радовался тому, что он выше всех этих мелочей. Но сегодня его бии и тарханы были одеты, как их древние предки. Сегодня они – великие воины и потому должны внушать римлянам страх.

Впереди римского посольства с крестом в руке шагал папа Леон. Немного не доходя до гуннов, он остановился. Папа стоял молча, ожидая, когда вождь варваров спешится. Молчание затянулось, но Аттила и не думал сходить с коня.

Папа это понял, и его губы задрожали от обиды. Перебирая пальцами, щедро украшенными драгоценными кольцами, темно-красную кайму белоснежной тоги, папа заговорил, стараясь скрыть дрожь в голосе:

– Аттила! Мы пришли к тебе не с войной, а с миром.

Конь Аттилы переступил с ноги на ногу. Вдруг степь будто раскололась от надтреснутого голоса одноглазого Ильбакты:

– Встань на колени и сними шапку, когда говоришь с великим царём!

Среди римлян послышался ропот. Их обиде и ярости, казалось, не было предела. Им, римлянам, хозяевам мира, какой-то варвар приказывает встать на колени! Они, конечно, слышали об этом обычае гуннов. Именно поэтому они и попросили папу возглавить их делегацию, надеясь на то, что Аттила не потребует от седовласого папы преклонить колени. Недавно перешедший на их сторону Корум посоветовал то же самое; он сказал, что к Аттиле, не преклонив колени, может обращаться только верховный жрец. Поколебавшись немного, папа сделал ещё два шага, сдёрнул с головы маленькую шапочку и, сунув её под мышку, опустил на пыльную дорогу. Завозился, не зная, куда деть крест.

– Я знаю, что ты пришёл с миром, – начал Аттила, – я знаю также, что ты согласишься на все мои требования. Рим дорого стоит. Итак, вы должны заплатить дань в два раза больше той, что должны были, а также вернуть сбежавших от нас изменников. Далее, я желаю взять в жёны сестру Валентиниана Гонория. Разумеется, её приданое должно быть достойно императора.

От последних слов лицо папы вытянулось. Он окончательно растерялся.

– Но Гонория давно замужем, – еле промолвил он.

Аттила что-то достал из-за пазухи.

– Вот обручальное кольцо Гонории, – сказал он. – Значит, её выдали замуж незаконно.

Узнав кольцо Гонории, патриции потупили головы. Такого позора Рим ещё не знал. Какой-то дикарь, разбойник, одетый в шкуры, требует себе в жёны сестру императора! Но не согласиться тоже нельзя. Судьба Рима дороже не только сестры императора, но даже самого императора. И Аттила, и сами римляне даже не догадывались, насколько коварна Гонория.

...Когда двуглавый золотой орёл раскинул над Босфором свои агатовые крылья, византийский император Марциан пробудился от странного сна. Будто бы он, преследуя волка, забрёл в лесную чащу. Вдруг появился страшный всадник и, замахнувшись мечом, бросился на него. Но неожиданно меч переломился пополам, а всадник упал под копыта своего коня. Марциан изо всех сил побежал к поляне, а волк неожиданно превратился в золотоволосую синеглазую краса-

вицу. Она смотрела на него и звонко смеялась... Проснувшись окончательно, Марциан вскочил с постели – такое с ним случалось нечасто, по утрам он любил понежиться. Тем всадником был Аттила! Известный всему миру меч Тенгри сломался, значит – дни варвара сочтены. Позвонив в колокольчик, Марциан приказал привести толкователя снов. Впрочем, император уже и сам знал, что скажет толкователь.

4

Мощённые камнем пыльные дороги Рима остались далеко позади. Когда выехали в степь, Аттила спешился и велел разбить лагерь. Сам, неловко ступая, пошёл по степи, сорвал качающуюся на ветру веточку белой полыни, поднёс к лицу. Приближённые провожали его улыбками, – кривые ноги великого царя не были приспособлены для ходьбы. Засмотревшись на жаворонков, словно застывших в небе, Аттила кулаком вытер повлажневшие глаза. Степной воздух был наполнен до краёв разными звуками: залиvistым пением жаворонков, стрёкотом кузнечиков, звоном не видимых глазу насекомых. Вон там, вдали, высоко-высоко, парит, не шевеля крыльями, степной орёл – он словно приветствует возвращение Аттилы домой. Здесь всё своё, родное. Кольшущиеся на тёплом ветру сочные травы, играющие среди этих трав жеребята, запах конского навоза, сурочки норы – всё-всё знакомо, знакомо с детства, дорого и мило...

Краем глаза Аттила заметил приближающегося к нему Ильбакты. Остановился и громко рассмеялся. Радость возвращения домой, на свою землю, переполняла его, и он не стал скрывать эту радость от близкого человека. И хотя Аттила владел бескрайними землями от моря и до моря, всё равно место, где он появился на свет, было особенным, только здесь вскипает кровь и влажнеют глаза! Здесь его отец ходил в женихах, а мать была невестой, здесь он сделал свой первый шаг, впервые сел на коня, взял в руки меч. Здесь он впервые почувствовал себя мужчиной. Наверно, не случайно его славный предок Багатур⁴, живший когда-то далеко на Востоке, однажды сказал: «Земля – основа государства».

– Где ставить шатёр Гонории? Рядом с твоим? – спросил Ильбакты.

Аттила отбросил в сторону веточку полыни.

– Шатёр ставь, но не для Гонории...

...В свите сестры императора оказалась девушка ослепительной красоты. С большими черными глазами и чёрными, как дёготь, волосами, она не была похожа на других римских девушек... Заметив восхищённые взгляды, которыми Аттила провожал её, шпионы царя разузнали всё о девушке и доложили своему господину. Оказалось, что красавица была соплеменницей Аттилы – дочерью наложницы и одного из предателей, перебежавших на сторону Рима ещё во времена правления отца Аттилы – Мундзука. Голос крови нельзя заглушить, а потому разве странно, что стареющий царь обратил внимание именно на эту девушку?.. Впрочем, она была просто загляденье!

Ильбакты будто прочитал мысли господина:

– Я понял. Поставим шатёр для девушки.

– Позови жреца и нареки её Ильбике. Хоть и дурной кровью зачата, но корни у неё – наши.

«Именно такие и будут пострашнее врага», – подумал Ильбакты, но вслух ничего говорить не стал. Он был всего лишь грубым воякой, но, превратившись после бегства Корума в правую руку Аттилы, научился вовремя прикусывать

⁴ Багатур – в китайских источниках шаньюй Модэ.

язык. Вертеться среди вероломных женщин, жадных и хитрых тарханов, суетливой толпой окружавших Аттилу, оказалось куда труднее, чем махать мечом в открытом бою.

Ах, как сильно раскаивался потом Ильбакты, что промолчал тогда! Но было уже поздно и бесполезно: упущенного не вернёшь.

Гонория – матрона, лицо которой несло на себе безжалостную печать времени, при встречах с Аттилой никогда не отпускала от себя девушку – Ильбике, как её назвал царь. Гонория словно дразнила его. Аттила мучился, стараясь скрыть свой жадный, страстный взгляд и от Гонории, и от самой девушки, но разве не заметит женщина, какой ураган она зародила в душе мужчины...

Когда, играя гибким телом, девушка проходила мимо, она, будто дразня, высовывала кончик маленького розового язычка, из-под её ресниц струился манящий многообещающий взгляд, и тогда в голове Аттилы поднималась горячая волна, ноздри заливало теплом, и он, почти теряя сознание, торопливо зажимал нос платком, боясь, что кто-нибудь увидит кровь.

Аттила совсем потерял покой. И вот сегодня он приказал поставить шатёр для Ильбике.

Вечером, когда он впервые переступил порог шатра Ильбике, облака на небосклоне набухли красным, и казалось, что вот сейчас на землю закапает кровь. Совсем рядом, обдав жарким дыханием, проскакал вороной жеребец...

...Услышав жалобные крики девушки, стражники насторожились, но не шелохнулись. Из шатра Аттилы каждую ночь доносились женские стоны и крики. Но этот голос почему-то взволновал. Он был какой-то иной – пронзительно-жалобный, разрывающий душу. Будто просьба о помощи, крик повторился снова. Ильбике не знала языка своих предков-варваров, а стражники не знали её языка. И всё же один из них, осмелившись, отодвинул полог, висевший над входом, и заглянул внутрь. Там, в глубине, на ложе, в тусклом свете свечей виднелось неподвижное тело Аттилы. Стража кинулась к царю. Его перевернули на спину, но Аттила – Великий Муж, державший мир на ладони, – был уже мёртв.

Говорили потом, что у Аттилы пошла носом кровь, попала в горло, и он задохнулся.

Женщина, которую он так сильно желал, так и не стала госпожой. Ей было суждено другое – стать его ангелом смерти.

Народ Аттилы растерялся и на некоторое время словно онемел от горя. Похожий на большого зверя с переломанным позвоночником, он мучился, потеряв способность двигаться. Только среди готов и гепидов, считавшихся союзниками Аттилы, царило оживление.

Аттилу завернули в шёлковые одежды. На голову надели шлем, украшенный золотыми пластинами, и положили тело в золотой гроб. Золотой гроб поместили в серебряный, серебряный – в железный. Собирая царя в последний путь, долго искали меч Тенгри, чтобы прикрепить его к поясу Аттилы, но так и не нашли. Видимо, Тенгри забрал его обратно. Пошлёт ли Он когда-нибудь ещё свой меч кому-нибудь из смертных? – этого никто не знал.

Собравшиеся на отпевание старики прятали друг от друга тревожные взгляды. «Только бы народ не растерял силу духа», – мысленно возносили они молитвы Тенгри. Содрогнётся ли мир ещё когда-нибудь от поступи племени Аттилы? Не вцепятся ли друг другу в глотки его сыновья? Но Тенгри оставался безмолвен и никому не дал ответа.

Тысячи людей запрудили реку и повернули течение в сторону, а на дне старого русла вырыли большую могилу. Опустили гроб, рядом поставили зо-

лотые, серебряные сосуды, полные кумыса, хлебов и конины. В этой жизни Аттила не пользовался дорогой посудой, но она могла пригодиться ему в той жизни. Не станет же их повелитель есть из деревянной миски перед Тенгри?.. Рядом с гробом царя положили только что забитых боевых коней, оружие, в той жизни у Аттилы тоже могут быть враги, и он должен быть готов принять бой. Свита царя присоединилась к своему господину, – рядом с Аттилой уложили его самых близких воинов, слуг и наложниц. Молодая Ильбике легла рядом – Аттила не смог насладиться ею здесь, так пусть он насытится ею вдоволь в том мире.

Когда засыпали могилу, все мужчины племени, согласно древнему обычаю, закружили вокруг, стали рвать на себе волосы и царапать лица. Издали за ними молча наблюдали женщины – дух умершего не подобало беспокоить женским плачем. А народ всё шёл и шёл попрощаться с Аттилой, и прощание это длилось несколько недель. Наконец, разобрав запруды, реку вернули в прежнее русло. Над могилой пронёсся белый пенный поток и скрыл всё под водой, чтобы уже никто и никогда не узнал, где последнее пристанище Аттилы, и не побеспокоил его.

Затем началась тризна. В больших котлах варилась конина, текли рекой кумыс и буза⁵. Пусть Аттила с того света видит, что его народ живёт в благополучии, сытости и радости! Но пиршество длилось недолго. Готы и гепиды отказались признавать Эллаха великим царём, войско, посланное для их усмирения, было разбито, а самого Эллаха проткнуло насквозь готское копьё.

Государство Аттилы развалилось. После поражения в битве с саругырами⁶ Ирнек с остатками войска ушёл на родину предков, на берега Большой Идели.

Дингиз тоже покинул отчий дом и отправился в свои бескрайние южные владения.

...Ещё недавно кипевший жизнью, город опустел. Только хилый одноглазый старик каждый день спускается к реке и чуть слышно разговаривает с волнами. Он с изумлением смотрит на разрушенные дома, на развалины бывшего дворца Аттилы и не может поверить своему единственному глазу. Где была слава, где была сила? Теперь здесь хозяйничают чужие. Былое величие обвалилось и исчезло, словно замок из песка. Когда же произошла роковая ошибка, и в чём она состояла?

Недалеко от того места, где обыкновенно сидел старик, возвышался муравейник. Оторвав взгляд от зубчатой гривы волн, старик частенько наблюдал за муравьями. Они целый день бегали в разные стороны, что-то тащили, толкали. Между ними постоянно шла явная и скрытая борьба. Вот один муравьишка, напрягаясь изо всех сил, волочит какую-то букашку. Но откуда-то появляется другой муравей, отнимает добычу и тянет её за собой в ту же норку. Впрочем, наверно, не в ту же, иначе зачем отнимать букашку у другого?

Муравейник гудит. И здесь сильные притесняют слабых, они управляют, они – хозяева! Жильцам муравейника приходится отражать и атаки извне. Однажды на них напали большие серые муравьи. Хозяева муравейника, хотя и были воинственны, но оказались мельче врагов, а потому после тяжёлого боя беспорядочно отступили. Одноглазому старику стало жалко «своих» муравьёв: они ведь защищают родину! И он отогнал больших муравьёв мечом Тенгри. Те озадаченно побегали туда-сюда и исчезли в траве. А если бы старик не увидел и не вмешался?..

⁵ Буза – вид хмельного напитка.

⁶ Саругыры – предположительно, древнебулгарское племя.

Не дожидаясь, когда в муравейнике начнутся торжества по случаю победы, старик снова перевёл взгляд на волны. А у муравьёв – действительно большой праздник: они окружили вождя, кланяются ему, благодарят, восхищаются его великим воинским искусством. Он вовремя приказал отступить и сумел разбить врага! «Великий воин», между тем, взобравшись на вершину муравейника, объявил себя владыкой мира...

А перед глазами старика вновь и вновь возникала картина: Аттила верхом на белом коне, в поднятой высоко вверх руке – меч Тенгри...

Самая славная смерть – на поле боя. Самая сладкая смерть – в объятиях женщины. Но может ли смерть быть сладкой? Старик зябко поёжился, укутался в кусок шкуры, висящий у него на плечах, и вот уже он снова смотрит на стремительный бег волн и уже не надеется ни на славную смерть, ни на сладкую...

Историческая справка

Сохранились свидетельства о том, что хунну (сюны) жили на территории современной Монголии с IV века до н. э. Становление сильного государства в III веке до н. э. связано с именем Модэ шаньюя – шаньюями китайские историчники называют хуннских царей. В те времена они даже с китайского императора брали дань. Этот период описан в романе Нурихана Фаттаха «Свистящие стрелы». Но позже, в результате хитроумной политики китайской дипломатии, хунну разделились на два лагеря и начали воевать между собой. В 98 году шаньюй, проиграв в решающей битве, бежал. Часть хунну ушла на запад и обосновалась в районе Семиречья. Остальные, продолжив путь, в 50-е годы II века вышли к берегам Идели. Здесь они смешались с угорами, взяв в жёны угорок (в трудном походе большинство их женщин погибло). В научной литературе этот народ называют гуннами. Их государство когда-то занимало земли от Яика до Дона. Сначала гунны разгромили аланов, затем напали на готов. Остготы подчинились гуннам, а вестготы, переправившись через Дунай, скрылись на территории Римской империи. Есть предположение, что на стороне гуннов сражались и славяне. При Аттиле могущество гуннов достигло наивысшей точки.

Аттила (умер в 453 году н. э.) – царь гуннов в 433–453 гг. После смерти старшего брата Ругилы он взошёл на трон вместе с братом Бледой.

По мнению историков, гуннское государство простиралось от Альпийских гор и Балтийского моря на западе до Каспийского моря (Гуннское море) на востоке. В исторических летописях упоминается соглашение между братьями и правителем Римской империи, заключённое в городе Маргус (ныне на этом месте расположен сербский город Пожаревац). По этому соглашению римляне должны были платить гуннам дань в два раза больше прежней: она составляла 700 фунтов золотом ежегодно.

Воспользовавшись тем, что гунны были заняты войной с северными и восточными племенами, римляне нарушили условия договора. Разгневавшись, Аттила в 441 году перешёл границы Римской империи, захватил города Вилинациды (Костолак), Маргус, Сингидунум (Белград) и другие. Через два года, разрушив Наис (ныне на территории города Ниш) и Сердику (ныне на территории Софии), он ступил на берег моря, окаймлявшего Константинополь. Римляне были вынуждены подписать новое мирное соглашение. Аттила заставил их уплатить дань за прошлые годы (600 фунтов золотом) и увеличил размеры ежегодной дани в три раза (2100 фунтов золотом).

Летописцы упоминают, что в 445 году Аттила убил своего брата Бледу и стал единоличным правителем гуннов. В 447 году он вновь вторгся в Вос-

точную Римскую империю, захватил её провинции на Балканах. Снова мирный договор, условия на этот раз ещё более жёсткие: Аттила потребовал земли южнее Дуная. Нам неизвестны размеры дани, возможно, римские летописцы постеснялись увековечить сумму в документах.

В 451 году Аттила вторгся в Галлию. Причина вторжения также неизвестна. Против Аттилы выступило римское войско под началом Аэция. С ним были король вестготов Теодорик и франки. До их прибытия готы успели захватить Аурелианум (Орлеан). Договорившись с сестрой императора Гонорией, Аттила объявил её своей женой и потребовал в качестве приданого бесчисленные земли Западной Римской империи.

Решающее сражение произошло на Католаунской равнине. В этой битве погиб король вестготов. Аттила с войском покинул Галлию. Хотя западные историки и пишут, что это было поражение гуннов, на самом деле это сражение, видимо, не принесло победы ни одной из сторон, или, скорее всего, оно закончилось поражением Аэция, потому что сразу после этого гунны вторглись в Италию и разрушили города Аквилея (Венеция), Патавиум (Падуя), Верона, Бриксия (Брешиа), Бергалиум (Бергамо), Медиолан(и)ум (Милан). На этот раз Аэций ничего не смог противопоставить Аттиле. Но в Италии свирепствовала чума, поэтому гунны вернулись на родину.

Когда новый император Византии Марциан перестал платить дань, в 453 году Аттила вновь начинает готовиться к войне. Его цель – Константинополь (Стамбул). Но в первую брачную ночь он неожиданно умирает в объятиях своей молодой жены Ильдико.

*Перевод с татарского Гаухар Хасановой,
Фаяз Фаиза, Рустема Сабирова*

**Оформить
подписку
на журнал**

МОЖНО:

для физических лиц

75796

стоимость 2025 год:

1 месяц – 972 тг

3 месяца – 2915 тг

6 месяцев – 5830 тг

- В отделениях АО «Казпочта»
- На сайте www.post.kz
- В редакции журнала
- С любого месяца

Подписной индекс:

для юридических лиц

25796

стоимость 2025 год:

1 месяц – 1322 тг

3 месяца – 3965 тг

6 месяцев – 7930 тг